

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ПОКА НЕ ПОЗДНО ...

ПОКА НЕ ПОЗДНО...

Лениздат
1986

67.99(2)116.1

П11

Составители библиотечки:

В. А. Беляков,

М. Е. Скрыбин

В этом сборнике мы рассказываем о некоторых проблемах правового воспитания подрастающего поколения, о детских судьбах, омраченных по вине взрослых людей, о гражданском становлении тех, кому предстоит взять на свои плечи ответственность за дальнейшее поступательное развитие социалистической Родины.

Свой вклад в решение этих проблем вносят прокуратура и другие правоохранительные органы Ленинграда.

Молодежь вступает в жизнь в современном сложном и динамичном мире, насыщенном стремительно возникающими и развивающимися важнейшими общественно-политическими событиями. В этих условиях особенно возрастает значение ясного и четкого ориентира во взглядах и поведении подростков, а вместе с тем — значение работы по точному и неукоснительному соблюдению законов о несовершеннолетних, воспитанию молодежи в духе верности идеалам коммунизма, патриотической преданности своей социалистической Родине, уважению к законам Советского государства, готовности активно защищать его интересы, отстаивать законные права граждан.

В достижении успеха этой работы немало трудностей и препятствий.

Опаснейшими среди них нам представляются формализм и шаблон, заслоняющие подчас живую творческую связь поколений, взаимопонимание и доверие между взрослыми и подростками, что необходимо для настоящего воспитания. Не секрет, что воспитание в ряде случаев ошибочно понимается как односторонний процесс, в котором роль воспитателей отводится взрослым, а воспитуемых — подросткам, причем сам процесс воспитания сводится к словесным поучениям.

Но ведь известно, что в сознании откладываются и запоминаются не столько слова, сколько дела, поступки, а слово обретает силу, лишь когда оно подкрепляется реальным поведением, находит подтверждение в действительности. Могут ли самые убедительные слова, например о пагубности пьянства, произносимые человеком, не чураящимся спиртного, уверить подростка в их справедливости? А если этот человек — отец, старший брат, а то и наставник на производстве, где начинает молодой рабочий свою

трудовую деятельность? В этих случаях, кроме разочарования, неверия взрослым, подросток ничего не обретет. А вот последовательное, неуклонное соблюдение законодательства о борьбе с пьянством и алкоголизмом, примеры из практики, которая наглядно показывает, что перед законом все равны и послабления не будет никому, независимо от чинов и рангов, — такое воспитание достигнет цели.

Наряду с осуждением всего негативного, что еще иногда встречается в нашей жизни, — эгоизма и мещанства, корыстолюбия и распушенности, угодничества и карьеризма, склонности к пьянству и тунеядству — мы должны не на словах, а на деле постоянно, своим собственным примером, другими примерами, взятыми из окружающей действительности, убедить подростка, юношу, «обдумывающего, делать жизнь с кого», что истинные ценности нашего общества — это трудолюбие и честность, интернационализм и коллективизм, дисциплина и организованность, в целом советский образ жизни со всеми его сторонами — нравственным и физическим здоровьем, твердой идейно-политической закалкой, непримиримостью к антиобщественным проявлениям.

В этом, как и других сборниках библиотеки «На страже закона», подготавливаемых Ленинградским региональным советом правоохранительных органов, научных учреждений, творческих союзов и средств массовой информации, мы продолжаем знакомить широкого читателя с эпизодами работы прокуратуры, суда, милиции, которые вместе с общественностью, профсоюзами, комсомолом, администрацией предприятий и учреждений, трудовыми коллективами участвуют в общем деле дальнейшего укрепления дисциплины, порядка, законности, в деле всестороннего коммунистического воспитания молодежи и подростков и его неотъемлемой части — их правового воспитания, обеспечивая выполнение законов о несовершеннолетних.

*А. Д. Васильев, прокурор Ленинграда,
государственный советник юстиции III класса,
председатель Ленинградского регионального совета
правоохранительных органов, научных учреждений,
творческих союзов и средств массовой информации*

СВИДЕТЕЛИ

С большинством домашних дел Татьяна Алексеевна Николаева управилась в четвертом часу пополудни. Хотя, если говорить откровенно, понятие «с большинством» было очень и очень далеким от истины. До всего разве дойдут руки?.. В будни чем-либо по дому серьезно заняться и думать нечего. После того, как Николаева с недавних пор стала работать следователем городской прокуратуры, не было еще дня, чтобы ей вовремя удалось вернуться домой. И копящиеся откладываемые «на потом» домашние дела.

Вот и сейчас: и постирать надо, и подзащитить детское белье.

«Когда только успеваешь рвать?» — Татьяна Алексеевна взглянула на дочь и улыбнулась, подумав о том, что этот вопрос задают, как правило, все молодые матери, забывая о том, что сами, будучи детьми, ухитрились мгновенно протереть до дыр обновку, к удивлению своих родителей. Дочь же сидела накуксившись: воскресенье все-таки, а за весь день на нее — ноль внимания.

— Чудо ты мое, чудо, — Татьяна Алексеевна приобняла ребенка. — Ладно, беги за книжкой, — произнесла твердо, решив все остальное доделать, когда дочь ляжет спать.

Малышка радостно улыбнулась, опрометью кинулась к книжной полке. Татьяна Алексеевна знала наперед, с какой книжкой она вернется. Конечно же это будут читанные-перечитанные сказки Бажова. Прочесть перво-наперво попросит «Голубую змейку». Историю о том, как росли два парнишечки, которым выпала встреча с удивительной змейкой.

Вроде уже до буковки знает всю эту историю, все равно слушает затаив дыхание, всем сердцем переживая за добрых душой Ланка и Лейко. Осуждающе причмокнула, когда дошли до строк, как подшутили мальчишки над сестрой Лейко Марьюшкой, начесав в гребешок, на котором та ворожила, волос из хвоста коня Голубко.

Николаевой и самой в радость было чтение сказок Бажова, язык которых так очарователен и свеж. Татьяна Алексеевна невольно улыбнулась и прервала на минуту чтение, подумав о том, как зазвучала бы история с Марьюшкой в обвинительном заключении следователя: «Обвиняемые, в целях нанесения гражданке Марьюшке моральной травмы, завладели ее гребнем...»

— Мама, дальше, — затеребила дочь.

«...Ребята видят — не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смиренхонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головенках застряла». — Она перевернула страницу и с сожалением отложила книгу, услышав телефонный звонок.

Звонило начальство.

— Татьяна Алексеевна, в общем суть дела такова. Убийство на Северном проспекте. У дома шесть... Ночью. С утра там работает Марин. Он сегодня дежурный старший следователь прокуратуры... Пока — безрезультатно. Зацепились, правда, за подростков. Версия, по мнению Марина, шита белыми нитками. А каждый потраченный впустую час, сами понимаете, кому на пользу. Надо помочь, как можно скорее разобраться с подростками — причастны они или нет. Да и вам полезно: Марин — опытный следователь, есть чему у него поучиться. Машина выслана...

...По обстановке, которая царила в кабинете начальника 36-го отделения милиции, где собралась опера-

тивная группа, Николаева сразу определила, что о преступнике по-прежнему ничего толком не известно. А ведь, если говорить честно, лелеяла тайную мысль: приедет сюда, а ей скажут: «Все, спасибо, преступление раскрыто, обойдемся своими силами».

Мрачнее тучи был заместитель начальника Управления уголовного розыска Ильин.

«И он тут, — отметила Николаева. — Худо, значит, дело».

Ильин был известен в правоохранительных кругах как отличный оперативник. Особенно памятна была всем взбудоражившая в свое время город история, когда двое преступников завладели боевым автоматом и совершили несколько убийств. Ильин непосредственно участвовал в разработке и осуществлении сложной и рискованной операции, в результате которой преступники были разоблачены и пойманы.

Обычно не терявший расположения духа и любивший пошутить, сейчас он лишь молча кивнул на приветствие Николаевой.

— И вам испортили воскресенье, — сочувственно произнес Марин, пододвигая Татьяне Алексеевне стул. — Ну что, если товарищи не возражают, введу в курс дела.

— Какие тут возражения, — Ильин снял очки. — И самим лишний раз не помешает все снова прокрутить... По предварительному заключению судмедэксперта, смерть наступила от ножевых ран. На месте преступления — ни одной вещественной улики. Правда, пуговицу коричневую, вмерзшую в лед, обнаружили. Вот пальто бы еще к ней найти, — усмехнулся, — может, тогда бы и связали концы с концами. Еще стелька синтетическая с надписью «Скороход» валялась в полуметре от трупа. Но не думаю, чтобы преступник вытащил ее из своего ботинка и оставил нам на память. Вот и все, чем мы располагаем по части «вещдоков». Ищем ветра в поле...

— И никто-никто из живущих в этом районе людей ничего не видел? Окна же домов глядят прямо на место происшествия.

— В том-то и заковыка, — вступил в разговор Марин, — что преступление совершено, когда люди спали. Где-то около часа ночи произошла трагедия. Скончался человек около пяти утра. Когда прибыл судмедэксперт, труп еще не успел остыть. Товарищи из уголовного розыска рассудили верно: скорее всего, преступник

живет где-то поблизости. Вряд ли в столь поздний час на пути погибшего встретился не местный житель. Очень мы надеялись: сыщется в близлежащих домах человек, что-то, несмотря на поздний час, видевший. Начал уголовный розыск с обхода всех квартир...

Николаева легко представила, какой огромный объем работы успели проделать оперативные работники. В каждом здешнем П-образном корпусе, именуемом «кораблем», без малого тысяча квартир. Считай, вкруговую — три тысячи жильцов. Обойти всех, опросить, внимательно выслушать — не час потребовался и не два. Преступник тем временем, надо полагать, тоже не сидел сложа руки, предпринимал меры, чтобы уйти от возмездия. Что получается: окажись безрезультатными для следствия сутки-другие, и все больше вероятность попасть делу в число тех, которые принято называть «глухими».

На какой-то момент затеплилась надежда, что напали на след. В одной из квартир слышали ссору под окнами. Не совпадало, правда, время — около одиннадцати часов вечера. Разыскиали повздоривших подростков. Они после драки сразу же разошлись по домам и больше на улицу не выходили.

— Личность убитого установлена? — Николаева вопросительно посмотрела на Марина.

— Капитан второго ранга запаса Столбунов¹. Жил на улице Композиторов.

— Мы послали запрос на Север, где он служил. — С сумрачным видом Ильин протирает очки. — На всякий случай: вдруг кому-то когда-то «насолил», и тот, затаив злобу, решил свести счеты. Но это маловероятно. Жена покойного утверждает, что не было и не могло быть у него недругов. Смелый был моряк. Командовал кораблем. Ходил в дальние походы. Горько: в таких суровых условиях беда минула, а тут нашел до обидного нелепую смерть... Костя, — Ильин обернулся к одному из оперативников, — расскажи Татьяне, как ты водил жену его на опознание.

Молодой оперативник, к которому обратился Ильин, поежил:

— Легче, Виктор Александрович, на вооруженного преступника идти, чем при таких сценах присутствовать. Оказывается, именно сегодня у Столбуновых годовщина свадьбы.

---

¹ Здесь и далее некоторые фамилии изменены.

— Да... — покачал головой Марин. — Жена к каждой годовщине — так заведено было в этой семье — печет торт, пироги там всякие. Он всегда просил, чтобы не в магазине покупала, а сама готовила. Любил очень ее стряпню. В институте, где он работал, был вчера выпускной вечер. Знала, что задержится. Напекла все загодя и прилегла на диван, да так со светом и уснула. Вдруг сквозь сон слышит — муж зовет ее. Проснулась, огляделась — никого. Открыла, недоумевая, дверь на лестницу — пусто. Посмотрела на часы — половина пятого утра.

— То есть тот момент, когда он умирал?

— Точно. Мистика какая-то. Но факт остается фактом. В общем, остальное время провела в страшной тревоге. Дождалась, пока транспорт пойдет, — и в милицию... Существенная деталь: Столбунов носил часы. Кроме того, из дома ушел в шапке.

— Что, на месте происшествия не оказалось ни того, ни другого?

Марин кивнул утвердительно:

— Какие у нас предположения... Станным выглядит поведение некоего Миши Савина. Мальчишке четырнадцать лет. Когда на место происшествия прибыл наряд милиции, он крутился поблизости. Это в шесть-то часов утра. Подошел к милиционерам, постоял и вдруг обронил: «Видел я ночью этого. Он еще шевелился...»

— И никому не сообщил?

— Допускаю, что растерялся. Мальчишка вообще со странностями. Но какая настораживает взаимосвязь... Слесарь станции техобслуживания Вахонин, спешивший на работу и наткнувшийся в начале шестого на труп, приметил во дворе двух мальчишек. Едва Вахонин показался из подъезда, они, словно боясь быть замеченными кем-либо, мгновенно юркнули под арку. Дом тот, кстати, неподалеку от места происшествия. И между прочим, в нем живет Савин.

— Со взрослым крепким мужчиной справились мальчишки, — с сомнением в голосе произнесла Николаева. — И потом, не вижу логики — зачем Савин подходил к работникам милиции, если участвовал в убийстве? Казалось бы, наоборот, должен держаться от них как можно дальше.

— Об участии Миши речи пока нет. Но то, что он знает больше, чем сказал, — не исключено.

Все присутствующие оперативники внимательно следили за диалогом следователей. Аргументы Николаевой не были для них вновь. До приезда ее каждый такой довод был тщательно взвешен. Но к единому мнению, каково участие Савина в этой истории, пока не пришли. Ясно одно — странно выглядит поведение Миши. Начать хотя бы с того, почему подросток ночью болтался на улице?

— Подождите, — Николаева потерла лоб, — а сам-то Миша как объясняет свое появление на месте происшествия?

— Говорит, проснулся рано, пошел погулять. И это, кстати, возможно. Живет с матерью и бабушкой. Соседи утверждают, что бабушка — единственный человек, который заботится о нем. Но любить-то внука любит, а держать в ежовых рукавицах не в состоянии. И волен он поступать, как ему заблагорассудится...

— Теперь насчет того, могли ли подростки справиться со взрослым, — продолжал Марин развивать свою мысль. — Ну, во-первых, это пока версия. Да ведь «против лома нет приема». В руках-то у убийцы был нож, а человек, скажем, не ожидал нападения... Теперь, зачем Савин подходил к милиционерам?.. Совесть, допустим, мучила. Удостовериться хотел — жив ли еще человек. Теоретически все можно объяснить. Надо нам скорее с этой версией разобраться. Других на данный момент нет. Продолжим опрос всех подростков микрорайона. Еще раз пообстоятельнее побеседуем с теми, с кем дружил Савин...

Более ста мальчишек и девчонок опросили Марин и Николаева. И вот до каких дознались в конце концов вещей. Оказалось, что и сам Миша, и его друзья по дому — братья Дровишкины, Афонин — подростки из неблагополучных семей — далеко не безгрешны. Давно следовало бы заинтересоваться ими милиции. Не ради того, чтобы дышать свежим воздухом, бродят они по ночам. Как-то взломали будку строителей и унесли инструмент. Было — и в квартиры пробовали забраться. Минувшей же ночью, подобрав ключи, пытались открыть легковые машины. Двоих из «взломщиков» видел слесарь Вахонин.

Непременным участником таких походов был и Миша. Напрашивался резонный вывод: а так ли уж случайно оказался он на месте убийства?

Эти факты изложили ему Марин и Николаева, в очередной раз приступая к разговору с подростком.

Миша, не поднимавший до того глаз от носков своих выцветших дешевеньких ботинок, похожих на те, что выдаются кочегарам в качестве спецобуви, и отвечавший на все вопросы односложно, зыркнул в сторону следователей. Глаза его заматались между Мариным и Николаевой.

— Вы че? — На лице мальчишки читался испуг. — Хотите сказать, что я убил?

— Нет, Миша. — Марин встал из-за стола. — Мы так не говорим. Мы видим одно — ты лжешь. Заявляешь, будто спать улегся рано и, проснувшись часа в четыре утра, отправился погулять...

— Ну, — кивнул Миша, высвобождая ладошки из рукавов фуфайки, шитой на взрослого.

— Но ведь это же ты с Афониним и братьями Дровишкиными пытался забраться сегодня ночью в чужие машины. Вот их показания... Так что же ты нас, голубчик, за нос водишь? Отправился, говоришь, гулять и тут человека, лежащего на тропинке, увидел. Не так, Миша, было.

— А как?

— Это лучше тебя никто не расскажет.

Миша встревоженно заерзал на стуле. Заговорил. Картина открывалась, если верить его словам, неожиданная. Получалось, будто Миша после очередной неудачной попытки открыть стоявший в соседнем дворе легковой автомобиль оставил друзей и отправился к приятелю, живущему в парадной, соседней с Мишиной. К себе домой возвращался в начале второго ночи. Решил покурить на свежем воздухе. Спичек в кармане не оказалось.

— Хотел к Кольке вернуться, гляжу — парень идет. Ну, поздоровался с ним.

— Что, и раньше знал его?

— Видел, он в каком-то доме сзади нашего живет... Остановил я его, «обшлепал»...

— Как понять «обшлепал»? — недоуменно спросила Николаева.

— По карманам пошлепал. Чувствую, спички в одном шебуршат, — давай, говорю, прикурить...

Марин и Николаева переглянулись. Есть у Миши — и это известно со слов взрослых — чисто крестьянская черта: обязательно поздоровается с тем, кого хотя бы раз просто видел. Следовательно, рассказ его вроде правдоподобен. Но маленький шкет — и столь бесцере-

монно обращался со взрослым парнем — такое звучало по меньшей мере смешно.

Но правдой ли было другое, о чем дальше поведал Савин? Вспыхнула спичка, и он увидел: руки парня в крови.

«Чегой-то у тебя?» — «Порезал одного», — ответил парень.

— И что же, он так вот и ушел?

Мальчишка услышал в голосе Николаевой недоверчивые нотки, хмыкнул сердито, повернулся в сторону Марина и, всем видом своим давая понять, что обращается только к нему, добавил:

— Шапку из-под мышки вытащил — я ее сначала и не заметил — и мне предложил. Только зачем она мне?...

Марин предостерегающе посмотрел на Николаеву, давая понять, чтобы воздержалась пока от вопросов. Впервые в ходе следствия объявилась шапка убитого. Важную деталь сообщил Миша. Но прежде, чем вести речь о шапке, надо дослушать его до конца, пока расположен к разговору.

А дальше вот что рассказал Миша. Подстегиваемый любопытством, он, когда парень скрылся в подворотне, направился к указанному им дому. Пусто, тихо было в соседних дворах. И чем ближе подходил Миша к месту происшествия, тем больше страх закрадывался в душу. До этого ему никогда не приходилось видеть мертвых. Осторожно выглянул из-за угла дома — на тропинке что-то темнело. Отпрянул назад, хотел убежать, но любопытство пересилило. Медленно, словно еще до конца не решившись, стал приближаться к темневшему предмету. На тропинке действительно лежал человек.

Опрометью бросился Савин обратно, заскочил в подъезд, где живет Афонин, позвонил в его квартиру. Дверь никто не открыл. Миша кинулся к подруге Афонина Тане Саблиной — и там Афонин не появлялся. Не решаясь сам что-либо предпринять, Савин помчался к братьям Дровишкиным, — они тоже еще не возвратились домой.

...Складен был рассказ Миши, располагал к доверию. Но тут перед следователями всплыла новая загадочная деталь. Никого не сыскав, Миша вернулся домой и принялся стирать куртку и брюки, в которых был на улице...

Когда Миша сообщил об этом, Марин попросил его

дальше пока не продолжать, вышел из кабинета. Отсутствовал несколько минут. Возвратившись, спросил:

— А после постирушек ты решил опять — на улицу?

— Вы откуда знаете? — настороженно спросил Миша.

— Иначе как бы ты с милицией встретился?

— А, — облегченно вздохнул Савин и подтвердил, что, точно, снова отправился во двор — на поиски друзей. Пробродил всю ночь. Несколько раз возвращался к месту происшествия, не осмеливаясь больше приблизиться к лежащему на тропинке мужчине, пока не приехала наконец милиция.

Да, складен был Мишин рассказ. Но попросили уточнить, как выглядел встретившийся ему парень, и ничего вразумительного он сказать не смог: «Парень как парень. Взрослый». — «Что была за шапка?» — «В темноте не разобрал».

Казалось, Миша сообщил все, что мог, но Марин почему-то его не отпускал, задавал новые и новые, не значащие, на взгляд Николаевой, вопросы. И только когда в дверях появился оперативник Костя и Марин быстро поднялся, приглашая жестом с собой Николаеву, она поняла, что следователь специально затягивал время по одному ему ведомой причине.

— Бабушка божится, что Миша всю ночь был дома, — начал Костя, едва прошли в другой кабинет. — Куртка Савина, чистенькая, висела в ванной. А с брюками — ситуация как в кино.

— Не нашлись? — нетерпеливо перебил Марин.

— Вначале не нашли. Уходить было стали. И сам не знаю, что дернуло меня вернуться. Смотрю — одна брючина на стуле, с которого бабулька не вставала, пока мы в квартире находились. Ноги, все повторяла, болят. А вторую она из-за пазухи достает. Увидела меня — обратно туда ее... Попролам разорвала брюки. Решила, видимо, выбросить, да не успела. А брюки — крепкие.

— И куртку, и брюки — немедленно на экспертизу, на предмет обнаружения крови убитого...

Савина задержали по подозрению в преступлении.

Минут десять — пятнадцать спустя к следователю заглянул участковый инспектор А. Мушкин. Посоветовал поговорить с Алексеем Артамоновым из дома восемь по Северному проспекту. Он водится с подростками, пользуется у них авторитетом, и, возможно, те что-нибудь сообщили ему такое, о чем не сказали следст-

вию. Правда, три года назад Артамонов был осужден за разбой. С приятелем напали на прохожего, отняли бутылку вина. Артамонов орудовал цепью, приятель — шилом. Но освободили его досрочно — за примерное поведение. И с тех пор ни в чем предосудительном замечен не был.

— Рад помочь, но я уже говорил старшему лейтенанту, — Артамонов огорченно развел руками, — ни о чем, к сожалению, не осведомлен. Да намек бы только услышал — сам бы примчался. Что я, не понимаю?.. Весь район наш об этом убийстве говорит...

Не успел уйти — Марину позвонил дежурный по 36-му отделению. Просится-де к нему Савин, утверждает, что должен сообщить что-то важное.

— Парень... Эта, — с волнением в голосе произнес Миша, — прошел сейчас со старшим лейтенантом мимо «аквариума», где меня держат... Тот, ночью который... Кулак мне сейчас из-за спины показал.

— Во что одет парень? — в свою очередь волнуясь, сам не зная почему, переспросил Марин.

— В коричневую шубу.

Съездили за Артамоновым.

— Простите, — пожал он с обиженным видом плечами, едва появившись на пороге. — Я же сказал — ничего не знаю. Свое время не жалко — мое пожалейте.

Аккуратная короткая прическа. Никаких излишеств в одежде, на которые так бывает падок кое-кто из молодежи, любой ценой добывая модную вещь. Смотрит на следователей прямо, твердо. Держится спокойно, с чувством собственного достоинства.

Нет, не соответствовали внешний вид и поведение Артамонова облику убийцы. Единственное обстоятельство говорило не в пользу этого молодого человека — судимость. Но то было три года назад. Нельзя же всю жизнь попрекать прошлым.

Но с другой стороны — налицо показания Савина. Перепроверить их — долг следствия. И в присутствии людей, схожих по внешности с Артамоновым, начали процедуру, именуемую опознанием.

Савин как шагнул в комнату, так и не сдвинулся больше с места. Чуть выдвинувшись боком из-за шкафа, сосредоточенно изучал носки своих ботинок. Николаева скосила глаза на Артамонова — по-прежнему спокоен. Ни один мускул не дрогнул на лице. Будто и не ради него затеяна эта процедура.

Поставим себя на место следователей. Только что

Миша четко заявил, что Артамонов — его ночной собеседник. Дошло до опознания — упорно молчит. О чем размышляет? А не выдуман ли им «парень»? Возможно такое? Вполне. И тогда, выходит, все начинать сначала. Особенно, если экспертиза никакой крови не обнаружит на Мишиных брючинах.

Не исключено, конечно, что Миша боится Артамонова: оказавшись сейчас с ним как бы с глазу на глаз, просто трусит. Дико, разумеется, выглядит на взгляд здравомыслящего человека его ночная постирушка. Но Миша-то пацан еще. Мало ли что ему померещилось, мало ли что взбрело в голову?.. А бабушка, в свою очередь, из любви к внуку проявила излишнюю бдительность, что также не исключается.

Марин бережно положил руку Савину на плечо. Позднее он признается Николаевой, что, сделав это, перепугался: подростка трясло мелкой дрожью. Так много сейчас зависело от его показаний, но малейший неловкий жест, неудачно вымолвленное слово могли все моментально порушить. Интуитивно Марин почувствовал, что мальчишке крайне нужна душевная поддержка.

— Миша, голубчик ты мой, — произнес участливым голосом, каким, наверное, не говорил с ним давным-давно никто, кроме бабушки, — успокойся. Не торопись, не переживай так, подумай.

«Только бы не вспугнуть мальчишку, вон как его лихорадит-то», — думал следователь, осторожно подбирая нужные, как ему казалось, в данный момент слова.

— У тебя есть время. Спешить нам некуда. Здесь тот человек — покажи. Нет — так и ответь.

Мальчишка молчал. И когда Марину стало казаться уже, что он или так ничего и не скажет, или, хуже того, ткнет пальцем в кого придется, неожиданно вскинул глаза, которые неизменно держал опущенными.

— Этот... — показал на Артамонова.

Сокрушающе усмехнулся Артамонов:

— Это же несерьезно, товарищи следователи. Подумайте, что вы делаете. Мальчишка-то — с приветом. Всему микрорайону известно. На любого мог вот так ткнуть пальцем.

Но на очной ставке Миша подтвердил все говоренное им прежде о ночной встрече, опустив лишь приведенные при первой беседе ради красного словца детали «обшлепывания» карманов Артамонова.

И вновь, не дрогнув, не смутившись, Артамонов

разбил доводы Савина: ночью никуда не отлучался из дому, следовательно, Савин видеть его не мог.

— А зачем, собственно, нам с вами огород городить, — добавил. — К чему лишние разговоры. У меня ведь полнейшее алиби. Мою непричастность подтвердят сразу несколько человек. В одной компании с ними провел вечер. Расстались поздней ночью. Дай бог памяти — что-то около трех часов.

Допрашивать тех, кого Артамонов назвал в качестве свидетелей своего алиби, Марин поручил Николаевой. На себя же взял обстоятельный допрос Артамонова. Но он глубоко ошибался, полагая, что предоставляет коллеге решение более легкой задачи. Татьяна Алексеевна убедилась в этом, едва перед нею предстал первый свидетель — Андрей Малевский. Не поздоровавшись, не спросив разрешения, плюхнулся он на стул. Натянул пониже на лоб шапочку с надписью «Карху», закинул ногу на ногу и, поигрывая дымящейся сигаретой, процедил сквозь зубы:

— Так шо вам от меня надо?

Николаева на какой-то миг опешила... Так развязно не вели себя при допросах самые отпетые люди. А тут совсем юный парень — и такая расхлябанность. Вспыхнула, но тут же взяла себя в руки и тихо сказала:

— Сядьте как следует.

— Шо вы ко мне привязались? Я к вам сюда не напрашивался.

— Сядьте как следует, — твердо произнесла Татьяна Алексеевна, — вы не в баре, а перед работником прокуратуры.

— Я — несовершеннолетний, и нечего ко мне приставать.

— Вот в чем дело? — усмехнулась Николаева и привстала со стула. — Тогда мы сейчас сюда маму с папой пригласим...

— Не надо маму, — иным стал голос Малевского.

Второй свидетель — Миша Паршин — потребовал начальство из прокуроров.

— Слушаю вас, молодой человек, — Марин, заглянувший как раз при этих словах к Николаевой, показал на свой китель советника юстиции. — Так какие у вас претензии?

И чистенький, ухоженный мальчик стал возмущаться, что его заставили сейчас ждать в одном помещении с какими-то «пьяными гопниками».

— Мы, конечно, глубоко извиняемся, что заставили

ждать. У вас, поди, дела, а мы вот тут ради праздных разговоров собрались... Ладно, оставим иронию. Вы слышали о сегодняшнем убийстве?.. Подозревается приятель ваш. Или товарищ — не знаю, как правильно будет — Артамонов...

Паршин сделал большие глаза, замотал головой:

— Он не мог. Он никуда не отлучался весь вечер из квартиры, где был и я. Поздно ночью мы вместе разошлись...

Хорошее было у Артамонова алиби. Малевский, Паршин, а затем Наталья и Елена Васиных, Маргарита Серегина безоговорочно утверждали: да, Артамонов находился среди них. Все пятеро, не сбиваясь, в тон Артамонову, едва ли не поминутно расписывали, чем занимались накануне днем, в тот вечер и в ту ночь. Всей группой ездили смотреть кино в кинотеатр «Спорт». На обратном пути купили две бутылки вина «Иверия». Смотрели телевизор, разговаривали о том о сем. Артамонов играл на гитаре и пел. Какой у него репертуар? «Блатные» песни, жалостливые... Вначале сидели у Васиных. Потом перебрались этажом выше — к Серегиной.

— Да и можно ли подумать даже о нем плохо, — убеждала Серегина Николаеву. — Он такой хороший. Добрый. В одном подъезде живем, знаем его. Сегодня билеты в кино для всех купил. Вино всегда на свои деньги покупает.

— И в этом доброта?

— А в чем еще? — удивленно округлила глаза Серегина. — Плохого нам он никому ничего не сделал.

— А деньги где брал? Месяц уже не работал.

— Мне какая забота? Еще оставались, значит...

Нет, не вызвала сомнений искренность свидетелей. И потом: неужто бы столь настойчиво стали выгораживать не кого-нибудь — убийцу?.. Такое и заподозрить грех, каким бы ни был каждый из этих свидетелей сам по себе.

— Оттого, Вадим Всеволодович, и вели, возможно, себя так вызывающе Паршин и Малевский, что чувствва лучшие их, так сказать, оскорблены? — размышляла Николаева. — Молодежь — она ведь, как правило, чутко очень реагирует на любую несправедливость.

— Ох, — вздохнул Марин, — все может быть... Но у меня вот такая мысль из головы не выходит. Был в моей практике случай: человек получил сквозную рану в сердце. Минут через двадцать — тридцать доставили

его на операционный стол. А месяц спустя он в добром здравии давал показания следствию. Тут же, тем более, наверное, можно было бы спасти Столбунова. Четыре часа еще жил. Метров двадцать прополз, и лишь напротив угла дома шесть силы оставили его. И неужели никому, если не считать мальчишки Савина, никому не пришлось ничего знать об этом случае?..

В третьем часу ночи разъезжались работники прокуратуры, уголовного розыска, так и не получив определенного ответа, где он — преступник?

А утром уголовный розыск предоставил в распоряжение следователей такие факты.

— Выяснили у соседей мои сотрудники, — сообщал Ильин. — В компании-то, оказывается, еще одна была девушка — знакомая Артамонова, четырнадцатилетняя Света Грошева. А живет она в другом доме. К сожалению, пока не разыскали ее, куда-то уехала. Подозреваем — не все время находился Артамонов на виду у компании.

Вновь приступили к допросу свидетелей. Нехотя вынуждены были признать Елена Васина, Серегина, Малевский, Паршин: да, утаили правду, где-то около полуночи Артамонов действительно провожал Свету. Каемся, мол, но поступили так-де из соображений, дабы Света, у которой строгая мама, не фигурировала на допросах. Но Артамонов, вновь убеждали они, отсутствовал пять, от силы десять минут.

Мог ли Артамонов в течение этих десяти минут успеть совершить преступление? Провели эксперимент, рассчитав все поминутно, учтя расстояние до места преступления. Концы с концами не сходились. Только при условии, если Артамонов заранее знал, что именно в это время появится Столбунов, готовился предварительно к встрече с ним, еще можно предположить такой вариант. Однако он исключался.

Но мог ли, в принципе, оказаться Артамонов в роли убийцы? — вот какой возник вопрос. Это по словам Серегиной и других его свидетелей выглядит он «хорошим». А известно стало и другое: жесток. Вчера, когда возвращались из кино, прицепился ни за что ни про что к одному из пассажиров автобуса. На остановке избил его при полном молчании всей компании. И прежде затевал умышленно драки, как правило, у винных магазинов. Сбив с ног человека, прихватывал его шапку, а то и часы.

Видимо, это и есть высший профессионализм след-

ствия, когда, на первый взгляд, все так гладко сшито — узелочка не углядишь, не нащупаешь. Но не оставляет, напоминает о себе мысль: тут он, затерялся рядом где-то узелочек. Вот-вот объявится, и потянется ниточка, распадется все шитье.

Гладко, как по писаному, подтверждала «компания» алиби Артамонова. Но еще и еще раз, подетально сличали показания его окружения — и вскрылись новые противоречия.

— Заметили, Татьяна Алексеевна? — Марин подвинул коллеге протоколы допросов. — Одни утверждают, что в шубе провожал Свету, другие — в пальто. И то, и другое поручил я исследовать экспертизе.

За свою юридическую практику и Марину, и Николаевой приходилось видеть свидетелей с разными характерами. По-разному и вели они себя: могли сомневаться, робеть, затрудняться, стесняться, не выказывать излишнего участия. Всяко волен проявлять свои чувства перед следователем человек. Одно недопустимо — лгать. «Правду, только правду, и ничего, кроме правды» — это не только требование закона. Это, если хотите, требование совести людской. Недопустимо, чтобы преступник ушел от возмездия. Иначе бы мир давно разуверился в торжестве справедливости.

Они бесстыдно лгали — младшая Васина, Серегина, Малевский, Паршин, — не десять минут отсутствовал Артамонов. Не подозревали «свидетели», что под грузом неопровержимых улик, добытых следствием, стал он давать показания. Лишь старшая Васина, после недолгих колебаний, изложила правду, что и учла прокуратура, передав о ней дело в товарищеский суд.

Артамонов не вернулся, проводив Грошеву. Поднялся на седьмой этаж к Кусакиным, где начинал пьянствовать с утра и где оставалось спиртное. Потом вдруг подхватился, спустился на лифте к себе в квартиру, скинул шубу, надел старенькое пальто, переобулся в поношенные ботинки, сунул в карман самодельный сапожный нож. Это увидела Екатерина Кусакина, которая пришла позвать его обратно. Но Артамонов торопился на улицу. Пыталась удержать, схватила за хлястик. Артамонов, по ее словам, выхватил что-то из кармана, приставил к своему горлу, пугая:

— Если не отпустишь...

— Не требуется, видимо, пояснять, почему Артамонов переобулся, переоделся, — рассказывал коллегам Марин. — Он шел на «охоту».

Пешеходной тропой, протоптанной с тыльной стороны дома шесть по Северному проспекту, прогулялся до трамвайной остановки — никого. Повернул обратно и тут уловил: позади кто-то идет. Замедлил, выжидая, шаг. Едва прохожий поравнялся с ним, толкнул, схватил за руку, развернул лицом к себе.

Стоял перед ним пожилой человек. Не учел одного Артамонов, но почувствовал сразу: мужчина не из робких. И тогда пустил в ход нож. Прихватив шапку и часы, спокойно отправился домой, встретил Савина.

Когда Миша убедился, что парень не шутил, ему взбрело вдруг в голову: не мог ли он тоже замараться в крови, прикуривая из рук убийцы?..

Бессмысленно, жестоко погиб человек. И нет убийце оправдания. С ним все ясно.

Не может не встревожить другое — нравственный облик так называемых свидетелей.

Любая ложь уже сама по себе вызывает лишь одно чувство — брезгливость. Когда лгут следствию, оправдывая тем самым преступившего закон, — такой поступок иначе не расценишь, как нравственное скудоумие, душевную тупость. Не говоря уже о том, что за дачу ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность. Но здесь еще более гнетущая картина.

Прикрывать злобного убийцу — даже под смертным страхом — не всякий отважится. Невероятным, диким это кажется. И невольно задаешься вопросом: да ведали ли, что творили, эти «свидетели», покрывая убийцу?

Доподлинно «свидетели» узнали (одни — в ту же ночь, другие — утром, то есть задолго до своего первого визита в милицию), что преступление у дома шесть совершил Артамонов. Знали больше: сделал это умышленно...

С ним находиться рядом страшно, а они, собравшись в квартире Васиных, деловито обсуждали по его просьбе, кто и что станет говорить, если вдруг пригласят в милицию. Прикидывали, как поставить в известность Грошеву, уехавшую, как назло, в гости и не знавшую о сгущавшихся над Артамоновым тучах. С готовностью помчался на поиски Савина Паршин — пригрозить, чтобы помалкивал. Не успели — Миша уже был задержан. Ползали ночью по снегу Паршин и Малевский в поисках ножа, чтобы утаить от милиции. Преступник ухитрился перед арестом швырнуть нож в окно квартиры.

Самым что ни на есть ответным уголовникам, обозленным на всех и вся, впору ли так вот поступить? Но в том-то и весь трагизм, что на преступный сговор сознательно, бестрепетно шли не рецидивисты, а молодые люди, из которых самой старшей — Васиной Наталье — двадцать пять, Серегиной — девятнадцать. Только вступали в жизнь семнадцатилетние Паршин и Малевский и совсем юная, школьного возраста, Васина Лена. С гнильцой оказалась душа и у этого существа с наивными, ангельски чистыми глазами. На скамье подсудимых Лены не было лишь потому, что на момент сговора не достигла шестнадцати.

С ней первой поделился Артамонов страшной вестью сразу же после преступления, вызвав на улицу, похвастал добытой шапкой:

— Грамотный мех? — спросил цинично.

— Фу, кроличья, — сморщилась Лена, прослышавшая в компании знатоком мехов.

И Артамонов швырнул шапку в сторону мусорного ящика.

Предложил тут же «щедрым» жестом часы. Взяла, осмотрела, подумала — «немодные». Но своих не было, и благосклонно приняла «подарок»:

— Ну, давай.

Потом на лестничной площадке мокрой тряпкой стирала кровь с рук Артамонова, с отворотов пальто, с гордостью продемонстрировала Серегиной «подарок».

Тут оторопь берет невольно: да как же это — вот так вот и не содрогнулась девочка, не испугалась, не прониклась состраданием к тому, в кого вонзил нож убийца?

— Чего мне бояться? — смотрела на следователей с удивлением. — Я никого не убивала. Пусть Артамонов боится... А что касается убитого — он мне чужой.

Глумились над следствием — иной оценки нет — на первом допросе Паршин и Малевский, тоже считая: им бояться нечего — вроде бы возраст неподсудный. А ведь Паршин знал намного больше, чем другие. С ним Артамонов поделился однажды: «Делаю иногда я ночью "прогулки"». Одну из прихваченных Артамоновым шапок — ондатровую — продавал по его просьбе на Кузнечном рынке. Не купили: поношенная была шапка, а цена запрашивалась, как за новую.

А как вела себя Серегина? Она бестрепетно встретила сотрудников милиции, заглянувших во время обхода дома восемь в ее квартиру.

— Ну, у меня сердце чуть не выскочило, — промолвил Артамонов, расположившийся в кухне.

— Не бойся, — беспечно улыбнулась Рита, — на этот раз не за тобой.

Она негодовала, ругала Артамонова не потому, что поднял нож на человека:

— Вот же сволочь, — делилась с друзьями, — нас подговорил, а сам раскололся.

Настойчиво, бесцеремонно выпрашивала следователя: а может, все-таки мог Артамонов уйти от возмездия?

Даже работники прокуратуры, повидавшие в силу своей профессии всякое, пришли в негодование: чтобы молодые люди скрывали так нагло (любое иное слово прозвучит мягко), по заранее разработанному сценарию убийцу и правду раскрыли вынужденно, без тени раскаяния? Такого в практике своей они не припомнят.

Раскаяния не было и потом, даже в суде. Ни один прямо, откровенно не изложил суть дела. Выискивали уловки, слова оправдания для преступника, перемигивались с ним. Без боли в сердце отвечали суду. Не было душевных мук, не виделось прозрения.

«Откуда этот откровенный цинизм, моральное — назовем вещи своими именами — растление?» — невольно задаешься вопросом. И вновь убеждаешься, хотя причин, конечно, много разных, в безусловности одной истины: когда отсутствуют нравственные ценности в семье, когда родителям в принципе наплевать, кем вырастет ребенок, и появляются моральные уроды — бесчувственные, лживые, черствые, для которых нет ничего святого в жизни.

Неблагополучная семья Васиных. Родители пьют, порой на кусок хлеба денег не оставляя. Здесь дети любят отца больше, чем мать (если вообще можно в данном случае говорить о любви), потому что отец с полочки выкраивает деньги хотя бы на десять килограммов картошки. С четырнадцати лет пришлось пойти работать Наташе — сейчас она повар высшего разряда с десятилетним стажем. На ее плечи, по сути дела, переложены заботы о сестре — и материальная сторона, и воспитание. Ну а какой из нее воспитатель, если она сама не получила от близких нравственной закалки? Неудивительно, что Лена — лжива, лицемерна, ленива, с пятого класса курит, пропускала занятия в школе. Как итог, окончила ее с двойкой по поведению. Пыталась поступить в ПТУ — с плохой характеристикой

не приняли. Но не встревожило ни мать, ни отца, что болтается без дела, водится неизвестно с кем.

Кончив ПТУ, устроилась телефонисткой на Ленинградский узел связи Серегина. Работа показалась чересчур тяжелой для рослой, крепкой девицы — ушла. Не уволься сама — уволили бы за прогулы. Без дела болталась несколько месяцев. «Все работу по душе не найдет», — сочувствуя дочери, объясняла мать, ничуть не беспокоясь: куда тратит столь обширный досуг великовозрастная дочь?

— Я не люблю отца, — заявил Паршин.

Не знаем, за что такая неприязнь к близкому человеку. Но, не найдя в семье авторитета, он ищет его вне семьи. Предоставленные самим себе Васина, Серегина, Малевский, Паршин, живущие от рождения в Ленинграде, но не представляющие, где расположен Эрмитаж, а где Русский музей, ждут, кто поможет им заполнить избыток свободного времени, восполнить недостаток внимания. Тут и появляется Артамонов.

Их завораживали его рассказы «о сильных личностях» из колоний. Постепенно все, что ни говорилось, ни делалось Артамоновым, воспринималось как должное. Наградил девушек похабными кличками — привыкли, отзывались охотно. Покупал вино — пили. Стал приносить чужие шапки, часы — отнесли безучастно, хотя вначале, быть может, в ком-то и говорила совесть. Не встретил и тени осуждения, избив на автобусной остановке парня за несколько часов до убийства. И резонно проникся мыслью: что бы ни сделал и впредь, — молчаливо поддержат, по крайней мере не выдадут. Расчетливый психолог, он не ошибся. Оттого откровенен был до предела со своим окружением после преступления. Знал наверняка: одними мыслят с ним категориями. Больше того, повязывая их с собой сознательно одной ниточкой, он готовил для себя в будущем пособников. Выжидал, пока «созреют».

Как-то, вспоминала Рита, собрал Артамонов всех, предложил высказать заветное желание. Какие названия другими — не помнит. А вот желания Артамонова запали в душу и ей, и остальным. Что вот-де у него отдельная огромная квартира, увешанная коврами, устланная звериными шкурами. Дом — полная чаша. Гостей «приветствует» за руку скелет. А еще вилла загородная, отделанная мрамором. Здесь же гараж, где стоит роскошная, с бесшумным двигателем машина. И много денег, хранящихся в сейфе с тайным шифром...

— Ну а сам-то кем он будет при сем? — в один голос воскликнули Марин и Николаева.

Серегина посмотрела удивленно:

— А никем...

Его рассуждения о жизни, а не чьи-то иные впитали они в себя. Его мир стал их миром.

Ленинградский городской суд приговорил Артамонова к высшей мере наказания. Верховный суд РСФСР утвердил это решение. Приговор приведен в исполнение.

За укрывательство преступления понесли уголовное наказание «свидетели».

...Возмездие пришло. Но точку, наверное, ставить не стоит. Урок из дела Артамонова нелишне извлечь и другим, кто попирает совесть. Торжествовать должна правда.

Валерий Волков

СУД СОВЕСТИ

Когда перед Деминым открылись тяжелые двери колонии, он переступил порог и... замер. Не мог сделать больше ни шагу. Голова закружилась. Неужели это и есть она, свобода? Он мечтал о ней три года, когда в общем строю с остальными осужденными ранним утром шагал на работу. Думал о ней, когда не мог сомкнуть глаз в душной камере. Не верил, что еще существует жизнь, где нет сурового режима, ежедневной переклички, строгих окриков конвойных, где люди принадлежат только себе и своим близким, а не колонии — ее правилам и распорядку.

И вот она, эта жизнь, наяву: волнующе пахнет весной, вкусным талым снегом и разогретой землей. Долго Демин смотрел в бездонное голубое небо. В нем тихонько плыли перламутровые облака. Потом зашагал прочь.

Приехав в Ленинград, поселился у матери. Решил несколько дней отдохнуть, осмотреться. Забросил на ан-

тресоли тюремный ватник, штаны, переоделся в пропахший нафталином костюм, уже вышедший из моды. Ходил в кино по нескольку раз в день, бродил по улицам, стараясь быть в гуще людей. И хоть коротко остриженные волосы у Демина отрастали и он научился не озираться на каждого милиционера, однако чувствовал: колония все еще крепко держит его. Демин ощущал на себе настороженные взгляды прохожих, каким-то чутьем угадывающих, откуда он вернулся. На танцах девчонки избегали его, а если соглашались танцевать, то бледнели и дожидаться не могли, когда затихнет музыка. Если он появлялся в винном магазине и лез впереди всех, то очередь, недовольно поворчав, все-таки расступалась перед ним...

«Боятся», — думал Демин.

Сначала он испытывал от этого досаду, потом — удовлетворение. Подолгу стоял перед зеркалом, стараясь понять, что же отличает его от других людей? Острая усмешка, застывшая в уголках губ? Твердый взгляд немигающих глаз? Или сила наглого бесстрашия, скрытая в глазах? Раньше он в себе такого не замечал.

С детства в уличной компании ему досталась самая унижительная роль — «сбегай, принеси». Таких презрительно именуют «шестеркой». Выполнял он поручения с огромной охотой, ревностно, хотя с горечью сознавал, что до «центровых» ребят ему далеко. Надо было чем-то проявить себя по-настоящему. И поэтому он первым откликнулся на идею отнять мелочь у какого-нибудь малыша, сорвать меховую шапку со школьника или окружить вдесятером парня с девушкой и потребовать для начала «двадцать копеек»... С двенадцати лет уже состоял на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Отца своего Демин не знал, а мать справиться с сыном не могла. Она работала на хлебозаводе по полторы смены и очень уставала. И только тихо плакала, когда ее Володя, тринадцатилетний подросток, являлся домой пьяным и смачно ругался, как взрослый мужик, знающий толк в «бормотухе».

В конце концов Демина направили в специальное ПТУ. Там он выучился на токаря. Но работал недолго. Попался на квартирной краже и был осужден.

И теперь, хотя ему только двадцать лет, Демин чувствовал себя человеком, имеющим особый жизненный опыт.

Только вокруг не было ни почитателей, ни подчиненных. На работу Демин устраиваться не торопился, хотя

участковый инспектор уже несколько раз напоминал ему об этом. Изредка Демин заходил в гости к своему знакомому Карасеву. Они тоскливо распивали несколько бутылок портвейна. Но общего языка так и не нашли, хотя кое-что их роднило: Карасев тоже недавно отбыл срок. Как-то во время очередной пьянки Демин было заикнулся, что вот, дескать, измелывал народ, нет настоящих парней, способных на серьезные дела. Карасев подозрительно покосился на него и сказал:

— Ты меня не агитируй. Знаю, куда гнешь. Я насовсем завязал.

И, притянув к себе жену, погладил ее по округлившемуся животу. Засмеялся:

— Вот он, настоящий парень, скоро на свет появится!

Ходить к Карасеву Демин перестал. Теперь он пил один, выбрав удобное местечко в садике ПТУ на 18-й линии Васильевского острова.

Был теплый летний вечер. Демин «опрокинул» стакан портвейна, с удовольствием затянулся сигаретой и огляделся. Его внимание привлекла группа подростков у здания училища. Три петеушника сгрудились у стены. На них наступали два высоких крепких парня. Демин усмехнулся: знакомая ситуация. Сейчас ученики начнут выгребать мелочь из карманов. И точно. Один уже достал кошелек, раскрыл, но кошелек вырвал у него парень справа. Демину было хорошо: вино подняло настроение, и он решил добавить удовольствия. Поднялся со скамейки, медленно подошел к группе.

— Ну-ка, — лениво обратился он к двоим, — чешите отсюда.

Те переглянулись.

— Игорек! — радостно сказал один из них. — Вот кто нам по-настоящему нужен!

И двинулись на Демина.

— Он не шелохнулся.

— Дважды повторять не люблю!

— Я — тоже! — в тон ему ответил Игорек и вынул из кармана нож. Нажал на кнопку. Со свистом выметнулось лезвие.

— Вот это вещь! — восхищенно воскликнул Демин. — Ну-ка, покажи!

И протянул руку.

Парень был ошеломлен его искренним восторгом и полным отсутствием страха. Машинально отдал нож. Демин некоторое время рассматривал лезвие.

— Хорошая штука! — взялся ладонью за лезвие и... сломал его.

— Ты это чего? — пролепетал Игорек.

— А ты не понял? — усмехнулся Демин и сунул руку в карман, где у него лежала опасная бритва.

Парни все поняли. Они успели заметить и татуировку на руке Демина и еще не отросшие волосы. Остальное досказал его взгляд.

Бросив кошелек на землю, оба исчезли.

— Что, страшно было, мужички? — хмыкнул Демин. Хотел добавить: «А теперь поднимите кошелек и передайте мне», как вдруг один из ребят схватил его за руку.

— Володя! Это же Володька Демин... Вернулся!

Демин припомнил, что с этим парнем вроде был знаком. Зовут его Андреем, Глущенко, кажется.

— Вот встреча! — покрутил он головой. — Ну что ж, надо отметить.

Глущенко понимающе закивал и приказал самому младшему:

— Щавлик! Сбегай принеси!

Тот замахал руками:

— Мне ж не продадут! Указ...

— Газеты читаете? Молодцы! — насмешливо одобрил Демин. — Так сходи... кефиру, что ли, принеси или квасу...

Ребята потупились.

— Что, думаешь, не достану? — с вызовом спросил Щавлик. — Через пять минут!

Он пришел через десять, но с двумя бутылками портвейна.

— Попросил одного мужика, он мне и взял, — сообщил, тяжело дыша.

Демин с интересом рассматривал парнишку. Преемник, можно сказать. Любопытно, знает ли, как его именовать следует?

До позднего вечера не могли расстаться с Деминым учащиеся ПТУ Андрей Глущенко, Андрей Черепков, Александр Щавель. Поначалу разговор не клеился. Но когда Демин с барственной ленцой произнес: «А вот у нас, в колонии...», то увидел, как загорелись глаза подростков. Он понял, что нашел тех, кто ему нужен.

Теперь они встречались почти каждый день. Начиная с портвейна. Его покупали ребята, иногда Демин.

К ним присоединились Владислав Маслов из того же ПТУ и Александр Вольнов, слесарь, одноклассник Демина. До поздней ночи рассказывал Демин о колонии и ее обитателях.

— Вот только здесь настоящих парней я не вижу, — не раз повторял Демин.

И ребята сникали под его взглядом.

Однажды он обратил внимание на то, что одно из окон училища несколько вечеров подряд оставалось открытым.

— Что там? — спросил Демин.

— Кабинет физики, — ответил Глушенко.

— А в нем?

— Телевизор, магнитофон, диапроектор... — перечислил Щавель.

— Вот видите, сколько добра! — упрекнул ребят Демин. — А вы дурака валяете. Только и способны, что «бормотуху» хлестать да с уроков сбегать. Никакого толку от вас, тунеядцы. Зря хлеб жрете!

Домой Глушенко и Вольнов шли вместе.

— Что он, нас за щенят принимает? — возмущался Глушенко. — Думает, мы не способны тоже, как и он, сделать что-нибудь по сто сорок четвертой статье!

— А что это за статья? — поинтересовался Вольнов.

— Ерунда! — отмахнулся Глушенко. — Кража. Дают до пяти лет.

— А-а-а... — Вольнов задумчиво почесал в затылке.

— Давай сопрем телевизор! — вдруг предложил Глушенко.

Вольнов открыл рот и долго, с трудом размышлял.

— А зачем? — спросил он.

— Как зачем! Володьке нос утрем. Да и вообще — интересно!

Вольнов снова подумал.

— Ну давай. А когда?

— Там видно будет...

Была у Демина знакомая девушка, двадцатилетняя Ирина Крыленко, прессовщица фабрики «Красная заря». Познакомился он с ней в винном баре. Она приглашала в гости, он согласился ее навестить и взял с собой Глушенко. Приехали в общежитие. Но Ирины дома не оказалось. Зашли к ее соседке Ларисе Мокрушиной подождать. Девушка угостила их чаем.

— Небогато живете, — заметил Демин, оглядев неприязнительную обстановку. — Что ж вам никто телевизора не подарит или приемника?

— Да уж! — отмахнулась Мокрушина. — Нынче такие парни пошли — сами норовят трешку на такси стрельнуть!

— А ведь права девушка! — воскликнул Демин, глядя на Глущенко. — Сплошь паразиты! — возмутился он.

— Да я!.. Да мы!.. — вскипел Глущенко. — Хотите, — обратился он к Мокрушиной, — мы вам всю комнату аппаратурой заставим!

— Ой, не надо! — замахала руками Мокрушина. А сама призадумалась: «А вдруг не врет?»

Вольнов и Глущенко дождались конца занятий. Когда сторож запер двери училища, Глущенко, весь бледный, повернулся к Вольнову и выдохнул:

— Пошли!

Средь бела дня Вольнов без труда взобрался по водосточной трубе на второй этаж и проник в кабинет. Обвязал кабелем телевизор «Березка» и спустил его вниз, к Глущенко. Потом переправил усилитель от киноустановки «Украина», диапроектор и еще массу ненужных им приборов, в общей сложности на сумму две тысячи рублей. Все добро они открыто, не таясь, отнесли на 10-ю линию и спрятали под лестницей дома, поставленного на капитальный ремонт.

На следующий день Демин встретил их словами:

— Ну как, получилось?

— Получилось, — небрежно бросил Глущенко. Мол, эка невидаль, мы и не на такое способны!

Впервые в лице Демина мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Друзья! — торжественно произнес он. — Теперь я убедился: вы достойны стать членами братства!

— Какого братства? — спросил Глущенко.

— Тайного!

— Как у Робина Гуда? — пискнул Щавель.

— Что твой Робин Гуд! — отмахнулся презрительно Демин. — Дешевка! Наше братство будет скреплено кровью!

— А зачем кровью? — шепотом поинтересовался Черепков.

— Чтобы ты знал, дурак, что мы за тебя жизнь отдадим! А если понадобится, то и ты за нас!

— А что для этого надо? — спросил Маслов.

— Разрезать вены на запястьях, приложить одно к другому и произнести клятву. Кто хочет со мной побрататься?

Все молчали. Демин остановил свой немигающий взгляд на Глущенко.

— Я хочу, — сказал тот, побледнев.

Демин достал из кармана опасную бритву и сделал небольшой надрез у себя чуть повыше кисти. То же сделал и Глущенко.

— Теперь говори: «За брата — в огонь и воду!»

Остальные тоже захотели побрататься с Деминым. Каждый произнес бесхитростно-примитивную клятву. Было сладостно-жутковато, но интересно. Они сознавали: теперь в их жизни начинается что-то новое, увлекательное, таинственное и, возможно, опасное.

— Теперь нам не страшен ни бог, ни дьявол, ни уголовный розыск! — хлопнул себя по колену Демин. — Ну-ка, Щавлик, сбегай принеси!

Выпили не так уж много — три бутылки крепленого вина. Однако головы у членов «братства» все же закружились.

— Внимание! — сказал Демин. — Идет наш клиент!

По улице в направлении стоянки такси шагал мужчина. Видно было: пьян, хотя изо всех сил старается шагать твердо.

— От Указа хочет уйти... — усмехнулся Демин. — А от нас не уйдет! Значит, так, — инструктировал он. — Подходим. Сажаем на скамейку. Я пристраиваюсь рядом. Вы окружаете, чтобы со стороны никто не видел. Дальше — дело покажет...

— Который час? — вежливо спросил Демин, сев рядом с пьяным.

Тот промывал что-то и поднес часы к носу Демина. Глава «братства» невозмутимо стал расстегивать браслет и снимать часы:

— Ты что делаешь? — возмутился пьяный и потянулся за часами.

Но его настигли удары кулаков Глущенко. Пьяный странно всхлипнул и замолк. Демин вырвал у него из рук черную сумочку и передал Черепкову. Тот — Маслову, который спрятал сумочку в свой пакет с тетрадами. Из кармана у пьяного Демин вытащил кошелек.

— Все! Рвем когти!

Всех пятерых словно ветром сдуло. Избитый недвижимо остался на скамейке...

— С почином, братья! — поздравил всех Демин, взглянув в кошелек. Там было около тридцати рублей. — Имеем право на шампанское.

Расположились во дворе дома на 9-й линии. Демин откупорил бутылку эффектно — с выстрелом. Зашипела пена.

— Эх, грешно пить такой благородный напиток из горла! — пожалел Демин. — Где бы раздобыть стакан?

Он огляделся и увидел в окне первого этажа двух парней, которые наблюдали за ними.

— А что, синьоры, — обратился к ним Демин. — Не найдется ли у вас хрустального фужера?

Те засмеялись. Оценили юмор.

— Найдется, найдется! Да что там — идите к нам в гости!

Все пятеро полезли в окно.

Гремела музыка. Звенели стаканы сначала с шампанским, потом с портвейном, оказавшимся у Аминова и Басного. Они вместе с хозяином квартиры Григорьевым только что распили две бутылки водки по поводу его ссоры с женой. Сам Григорьев, упившись до положения риз, спал в соседней комнате.

Разговор становился все оживленнее, пошли анекдоты, пока Аминов не заметил на руке у Демина татуировку.

— Ты что, сидел?

— Сидел! — с вызовом ответил Демин.

— Ишь, сколько гонору! А сам небось «шестеркой» там был, — пьяно прищурился Аминов.

Демин медленно побагровел. Наступила тишина. Было слышно только, как пощелкивает игла на пластинке.

— Да за такие слова... — начал Демин.

Он мог не продолжать. Глущенко нанес Аминову сокрушительный удар в челюсть. Тот отлетел к стене. Остальным «братьям» команда тоже не понадобилась. Они набросились на упавшего Аминова, нанося ему удары кулаками, ботинками. Басный бросился было на помощь приятелю, но Демин ударил его бутылкой по голове. Басный рухнул на пол.

Некоторое время Демин внимательно прислушивался к стонам Аминова, а когда тот затих, приказал:

— Хватит!

Они остановились, тяжело дыша.

— Бери! — указал Демин Щавелю на проигрыватель.

Тот схватил проигрыватель и полез в окно.

— А тебе — там, — показал Черепкову на шкаф.

Черепков вытащил из шкафа три женские кофточки, несколько пар колготок. Пока Демин снимал с руки Басного часы, все успели вылезти через окно во двор.

— Стой! — крикнул он Глущенко. — Назад!

Глущенко поколебался и полез обратно.

В этот момент Аминов застонал и открыл глаза.

— За что? — жалобно спросил он. — Мы вас как людей пригласили, а вы...

Он не закончил. Демин ударил его стулом, да так, что стул разлетелся на части. Из кармана Демин достал бритву. Голубовато блеснуло лезвие.

— Вот тебе за «шестерку»! Вот! Вот!.. — яростно наносил он порезы Аминову. Хлынула кровь. На полу образовалась лужа.

— А теперь — по домам! И — до завтра...

...Назавтра Глущенко тоже купил себе опасную бритву. Он стал теперь правой рукой Демина.

Собрались у Маслова. Щавель отдал ему проигрыватель — домой нести побоялся. Демин «наградил» часами Глущенко и Черепкова. Строго предупредил:

— Если кто слово скажет... — он похлопал себя по правому карману. Все поняли. — Теперь мы связаны одной веревочкой. Думаю, этот козел истек кровью. А кто разберет, на ком из нас ее теперь больше...

— А нам с тобой пора навестить наших друзей, — обратился Демин к Глущенко. — Лариса, небось, заждалась подарочка, — и он подмигнул. Остальные тоже заухмылялись и стали подмигивать Глущенко.

Демин и Глущенко внесли телевизор в комнату. Мокрушина заохала, заохала, замахала руками:

— Что вы, ребята! Не надо! Не надо!

Но Глущенко уже налаживал антенну.

— Как же мне с вами расплачиваться? Может, за бутылочкой сбежать?

— Это подарок, — сделал великодушный жест Глущенко. — Пользуйтесь.

Мокрушина, довольная, уселась перед телевизором.

А Демин и Глущенко пошли к приятельнице Демина, Ирине Крыленко.

У нее был гость — курсант мореходного училища, чистенький, наглаженный. Демин и Глущенко с неудовольствием переглянулись.

— Олег, — представился курсант, протянув руку.

«Братья» не вынули рук из карманов. Морячок пожал плечами и продолжал рассказ о дальнем походе в тропики, о южных ночах, когда море светится, как фэсфор, о летучих рыбах... Ирина взвизгивала от восторга, а Демин наливался злостью. Наконец ему все это надоело.

— Выйдем на минутку, Олег. Дело есть, — предложил он.

Они прошли в темный угол коридора.

— Хороший ты парень, — медленно, с лаской в голосе произнес Демин. — А ходишь небритый.

— Не понял, — напрягся Олег.

— Нехорошо... Побрить тебя надо бы...

Перед глазами курсанта сверкнуло широкое лезвие бритвы. Он окаменел. Лицо его стало покрываться капельками пота.

— Сейчас мы тебя побреем, — продолжал ласково Демин, поглаживая лезвием горло курсанта. — Раз и навсегда. Чтобы ты забыл сюда дорогу. Будешь здесь шлаться?

— Нет... — прошептал курсант.

— Ну ладно! — засмеялся Демин, сложил бритву и пошел в комнату.

Глущенко остался. Он достал свою бритву. Держал он ее не так умело, как Демин. Но все равно почувствовал, как на него нахлынула волна ощущения власти над беззащитным человеком.

— Снимай ремень! — приказал Глущенко.

— Зачем? — прошептал курсант. — Нельзя: это моя форма.

— Ну! — прикоснулся бритвой к его горлу Глущенко.

Курсант повиновался.

Демин и Крыленко мило беседовали, когда вошел Глущенко и бросил ремень курсанта на кровать. Демин понимающе кивнул.

Но тут распахнулась дверь. В комнату вбежала соседка, Иванова.

— Что тут у вас произошло? — закричала она. — Олег ведет сюда милицию!

Демин раздумывал одну секунду.

— Спрятать! — протянул он свою бритву Крыленко. Отдал свою и Глущенко.

Крыленко передала бритвы Ивановой, та унесла их. И вовремя: вошли милиционеры.

Милиционеры искали бритвы долго. Но в конце концов нашли — на соседнем балконе, в мешке с картошкой...

Конец «братства» наступил стремительно. Вольнов оставил на стекле окна в кабинете физики отпечатки пальцев, а в квартире Григорьева была найдена сумочка избитого у стоянки такси Ф. и тетради Маслова. Так что «раскрутить» дело для следствия, вопреки рассказам Демина, не стоило труда.

Закончился и судебный процесс. Приговором Василеостровского народного суда Ленинграда каждому из «братьев» воздалось по заслугам. Зло наказано и, казалось бы, вопросов больше нет.

Но это не так.

О подростках 14 — 17 лет в последнее время появилось много литературы. И тем не менее, как утверждает известный социолог Игорь Кон, проблемы подростков известны меньше, чем проблемы других возрастов.

Сейчас преступность подростков имеет, конечно, другой характер и другие истоки, чем в голодных 20-х или трудных 50-х годах. И казалось, уйдет в прошлое неустроенность, исчезнут экономические причины преступности — и с ней будет покончено. Но время выдало парадокс. Поднялся уровень всеобщего благосостояния, а вместе с ним — уровень притязаний, особенно у подростка. И появился некий «джентльменский набор», без которого подросток чувствует себя неполноценным, опустившимся ниже «стандарта» своих сверстников. И чтоб восстановить свой престиж, порой готов преступить черту запретного.

Несколько лет назад драматический оттенок имела погоня за дисками. Потом — за джинсами. Ныне каждый третий-четвертый из шестнадцатилетних носит «фирму» за родительские денежки. Но чуть только притупилась проблема «престижных штанов», как в районные народные суды города, словно из рога изобилия, посыпались уголовные дела об угоне мотоциклов. Значит, уровень притязаний опять подскочил вверх.

Характерно, что на каждом судебном процессе об уgone, например, на Васильевском острове, судья задавал преступнику один и тот же вопрос:

— Как же ты решился на такое? Разве не знал, что придется отвечать?

Но подросток, как правило, этот вопрос пропускал мимо ушей и с сознанием своей правоты отвечал:

— Мне очень были нужны запчасти.

Или:

— Не я украл бы — у меня украли бы.

«Я хочу, нужно мне» — этот мотив звучал сильнее всего, заглушая все остальное. Поэтому-то смысл содеянного юный преступник обычно постигает лишь после оглашения приговора, когда прямо из зала суда его берут под стражу и отправляют в места заключения.

Но ведь в нашем случае все обстояло по-другому. Телевизор Глущенко и Вольнов украли не потому, что он им был нужен. Пьяного на улице ограбили не из-за тридцати рублей. У Демина деньги оставались, его «братьев» родители снабжали «на мороженое» достаточными суммами, которых хватало на «бормотуху». И магнитофоны у всех были, и «премия» в виде часов оказалась ненужной, потому что у каждого часы уже имелись. Что же толкнуло их за ту опасную грань, когда сначала озорство, а потом хулиганство, кража потянули за собой изощренное, садистское насилие над людьми?

Условно подростков можно подразделить на две категории. На тех, кто хочет иметь, и на тех, кто хочет быть. Желание подростка иметь «джентльменский набор» (диски, джинсы и пр.) в принципе теперь удовлетворяется. Гораздо сложнее дело обстоит в тех случаях, когда подросток становится на путь преступления, чтобы быть иным — не таким, как остальные. Именно эта причина стала решающей для рождения «братства» во главе с Деминым.

В возрасте 13 — 15 лет наступает период, когда подросток испытывает необходимость познать себя. Это возможно только в коллективе, как правило, небольшом. В этом «микросоциуме» каждый занимает соответствующее ему место — как молекула в молекулярной решетке. Демин всегда жаждал быть в первых рядах. В детстве это ему не удавалось, а он чувствовал свою незаурядность и потребность реализовать ее. Это удалось сделать в группе ребят из ПТУ. В свою очередь, ребят толкнула к Демину вполне естественная в этом возрасте потребность в идеале, который может служить точ-

кой внутренней опоры. Если ни семья, ни школа такого положительного идеала не сумели привить, естественно, что его место занимает антиидеал. И чем больше в нем остроты, необычности, рискованности, тем легче подросток ему покоряется.

Что привлекло их в Демине?

«Бесстрашный парень, хороший товарищ. Нам очень хотелось на него походить», — так говорили они о нем на суде. Потому что подражать больше было некому.

А ведь каждый из них воспитывался в спокойной, вполне благополучной семье.

— Наш сын — очень хороший мальчик. Он у нас веселый, жизнерадостный. Дружить с Деминым я ему запрещаю. И он обещал, что не будет, — из показаний на суде матери Глущенко.

— Сын мне всегда все рассказывал. А тут сама не знаю, почему так получилось. Семья у нас благополучная. Муж не пьет. Правда, сын раз приходил домой выпивши. Я его отругала, — говорит мать несовершеннолетнего Щавеля.

— Я сына всегда строго контролировал, — рассказал суду отец Черепкова. — Он домой приходил вовремя. Семья у нас спокойная, обеспеченная. Я всегда доверял сыну.

Доверие к детям. Оно должно быть взаимным. Если родители не чувствуют, что дети им тоже доверяют, надо бить тревогу. Но в данном случае этого не произошло. Все способы завоевать доверие сына свелись к одному: «ребенок» сыт, обут, одет, имеет магнитофон, проигрыватель или мотоцикл. Что еще нужно сыну? А ему нужно большее. Ему нужен человек, способный его понимать, сопереживать ему, проникнуться его интересами. Человек, которому можно доверить свои сомнения, тайны, мечты.

Место этого человека занял Демин. И то, что отцы и матери «братьев» называли доверием к своим детям, обернулось бесконтрольностью, беззаботностью, родительской слепотой.

В одной из школ старшеклассникам было предложено написать сочинение на тему «О взрослых». Некоторые работы буквально поразили педагогов точностью оценок, верностью наблюдений. Вот что пишет четырнадцатилетний подросток.

«Взрослые бывают разные. Одни чуть что — сразу говорят: «А вот в наше время была молодежь!» Но я вообще сомневаюсь, была ли раньше молодежь. Я таких взрослых ненавижу.

Но есть и другие. Например, у нас во дворе живет мужчина, лет 28. Он каждое лето уходит в походы, то в горы, то на байдарках. По вечерам, когда он свободен, он втягивает ребят в какие-нибудь игры. Чаще всего в футбол. Жалко, игра получается неинтересной: у нас нет площадки. Жилконтора уже третий год обещает.

Или вот к нам во двор приходят совсем другие взрослые. Они приходят не с пустыми руками, а в руках у них бутылки вина. В лучшем случае — в карманах у них закуски. Придут и начнут. А гулять негде. Вот и сидишь, смотришь. А то приходят по вечерам так называемые парочки...»

Духовной делают личность обстоятельства. Человек существует, пока остаются гуманизм, высокая моральность, доброта. Пока его этому учат.

И подростка учат — в школе, ПТУ, а когда он вырастет — в университете, на работе. Учат, что лгать и воровать плохо, что обижать слабых — подло, что уклоняться от борьбы со злом — низко. Учат на примерах классической литературы, на опыте повседневной жизни. И выходит, что подросток теоретически великолепно подкован сейчас в вопросах морали. Но в сложных, драматических ситуациях, когда он проходит искус выбора, нередко оказывается, что практический шаг он сделать не в силах. Потому что его не учили главному: умению брать на себя личную ответственность за каждый свой поступок, за все происходящее вокруг.

Что говорить: подавляющее большинство подростков, например, наивно полагают, что могут нести личную ответственность перед законом лишь после достижения совершеннолетия. А ведь юридической ответственности подлежат лица, достигшие 16 лет, а в некоторых случаях и 14-летние. Однако, как правило, несовершеннолетний преступник узнает об этом только на предварительном следствии. Когда же подросток понимает смысл этого, то платит за изъяны в своем правосознании слишком дорогой ценой — свободой.

Впрочем, уголовный кодекс предусматривает наказание за совершенное преступление. И лишь в некоторых

случаях может следовать кара за опасное бездействие. В остальных случаях высший суд — суд собственной совести. А если внутренний судья спит? Кому дано разбудить его?

Серым зимним днем под моим окном раздался шум, возмущенные крики. Внизу, на улице, несколько старушек окружили трех-четырех подростков и о чем-то с гневом выговаривали парням. Гвалт стоял такой, что слов разобрать было невозможно. Подростки молча слушали, потом повернулись и под предводительством рослого парня исчезли за углом.

А старушки неожиданно замолчали. Они смотрели вверх.

Вверх, на широком карнизе дома напротив, пытался удержаться голубь. Он широко расправил крылья, упираясь их кончиками в карниз. Но вот сорвался, взмыл вверх, роняя капли крови. На том месте, где голубь пытался устроиться, осталось расплывшееся пурпурное пятно.

Компания, оказывается, развлекалась весьма своеобразно. Ловили голубя, отрывали ему лапки и пускали, наблюдая, как несчастная птица, устав после бесконечных кругов полета, безуспешно пытается сесть...

Еще можно понять годовалого малыша, который из любопытства тычет пальцем в блестящий глаз котенка. Не понимает ребенок, что котенок тоже живой, что больно ему. Но какое удовольствие можно извлечь в хладнокровном выламывании лап живой птицы? Да и неужели идея родилась одновременно в мозгах всех членов компании?

Одного из них я тогда заприметил. Это был мой сосед снизу, пятнадцатилетний Сережа. Худенький тихий парнишка с едва пробивающимися черными усиками, с длинными чистыми волосами. Учится в ПТУ на слесаря-судосборщика. Играет на гитаре в ближайшем клубе при жилконторе. Отец — шофер-«дальнобойщик», мать — преподаватель в ПТУ, но в другом, текстильном.

Иногда Сережа заглядывал ко мне. Приносил свои пластинки, садился у проигрывателя, надевал наушники и слушал одну и ту же пластинку по нескольку раз. День спустя эта же музыка раздавалась из окна этажом ниже, но уже в исполнении Сергея. Бывало, он засиживался у меня, мы пили чай, хрустели ванильными сухарями, а Сережа своим тихим голосом рассказывал,

что никак не может решить — учиться ли ему дальше, на матроса, или пробовать пробиться на эстраду.

Я ждал его. И он через пару дней пришел. Мы послушали музыку, поговорили о том, что популярность «битлз» не уменьшается, наоборот, растет, что после них не было ни одной мало-мальски приличной группы, что музыкальный мир в ожидании новых открытий. А когда чай был выпит, я спросил его, словно между прочим:

— А зачем ты выламывал голубям лапы?

Сергей сначала побагровел так, что я даже за него испугался. Наконец он выжал из себя:

— Я... хотел... вступить. Но против «команды» не попрешь. Могли и морду набить. Димка — он никого не боится, он — каратист.

Я понял — речь идет о том рослом парне.

— Но если кто обидит кого из наших, тогда уж он!..

— Значит, ты боялся остаться в одиночестве, без компании. Но, может быть, лучше быть изгоем, чем дружить с подлецами?

Сергей слабо пожал плечами.

— Сережа, что по-твоему страшнее: сделать доброе дело в ущерб себе и потом раскаиваться всю жизнь или же не делать и тоже потом всю жизнь жалеть об этом?

Он долго думал, шевеля ложечкой в пустой чашке. Потом поднял глаза и сказал еле слышно:

— Не делать — страшнее. Совесть заест.

Больше Сергей ко мне не приходил. А когда сталкивались с ним на лестнице, торопливо здоровался и старался поскорее прошмыгнуть мимо. Понимаю: ему неприятно встречаться со свидетелем своей подлости — вольной или невольной. Но хочу верить, что его при наших встречах обжигает проснувшаяся совесть.

Сегодня криминологи, социальные психологи отмечают: происходит процесс некоего накопления подростковой энергии. Управлять ею, пожалуй, так же трудно, как и термоядерным синтезом. И когда энергия уходит из-под контроля, наблюдаются взрывы беспричинной жестокости, откровенного садизма. Не нужно, однако, видеть в этом нечто фатальное, абстрактное. Тот же Демин «со товарищи» действовал во вполне конкретных условиях. И эти условия, благоприятные для грабежа, разбоя, создали тоже вполне конкретные люди, быть может, сейчас читающие эти строки...

На другой день после кражи в ПТУ Глушенко встре-

тил на улице свою преподавательницу. Она прогуливала собачку. Глущенко признался ей, что украл телевизор, и спросил, как ему быть. Преподавательница посоветовала ему на всякий случай сходить в милицию и... преспокойно повела собачку дальше.

Когда Демин и его «братья» грабили у стоянки такси пьяного Ф., в очереди это заметили. Кто-то даже крикнул: «Что вы делаете?!» Но никто не остановил преступников.

Выйдя из квартиры Григорьева, где «братья» довольны «повеселились», они встретили двух девушек. Демин попросил у них платок, чтобы вытереть руки, на которых была кровь Аминова. Девушки любезно предложили свои платочки. Черепков в ответ за услугу одарил их крадеными колготками. И девушки не обратили внимание хотя бы первого встречного милиционера или дружинника на то, что по Васильевскому острову разгуливает человек с окровавленными руками. Нет — им понравились колготки.

А Мокрушиной понравился телевизор «Березка». Она даже не поинтересовалась, откуда и за что ей такой дорогой подарок. Зачем? Мокрушина была довольна тем, что сможет по телевизору смотреть, как ловят воров и грабителей.

А как объяснить поведение студента Института физкультуры имени П. Ф. Лесгафта А. Пигарева? Он вместе со своим приятелем проходил по коридору общежития, где Демин и Глущенко «беседовали» с курсантом, и видел, как они «пробовали в деле» свои бритвы. Спортсмены, крепкие, видно, ребята, просто-напросто удалились, громко возмущаясь тем, что в коридоре «творится безобразие».

И уж совсем непонятно, почему Крыленко и ее соседка Иванова с такой готовностью помогли спрятать от милиции бритвы, которые, легко догадаться, их приятели Демин и Глущенко носили в карманах не для того, чтобы постоянно держать свои физиономии в неге и холе. Почему они решились пособничать преступникам? По незнанию, по наивности?

Да нет, все по тому же известному принципу «хаты, которая с краю». Вот уж чем легко убаюкать совесть. Но ведь в любой момент принцип этот может рикошетом настигнуть каждого, кто его исповедует.

Но не слишком ли большое значение порой мы придаем внешним факторам, обстоятельствам, в которых

совершается преступление? Ведь если приуменьшается фактор внутренний, снижается личная ответственность подростка, то обстоятельства начинают играть прямо-таки роковую роль.

Как часто рассуждения принимают такую форму: избил подросток на улице старика — отец виноват. Ограбил ларек — виновата школа или комсомольская организация. Воздвигается такой густой частокол «объективных причин», что за ними вполне благополучно прячется сам субъект. И оттуда с абсолютным чувством собственной правоты тычет нас носом в наши ошибки. Мне довелось присутствовать на одном судебном процессе по делу юного бандита, ударившего ножом в живот незнакомого студента, который отказался выдать по первому требованию «двадцать копеек». Шестнадцатилетний подсудимый, вместо того чтобы промямлить стандартное: «Я раскаиваюсь в своем поступке», вдруг разразился гневной филиппикой в адрес своих родителей. Он изобличил их в том, что они-де не по правилам воспитывали его. А вот теперь пусть пожинают плоды своего недосмотра (отец — доцент, мать — учительница музыки). С поистине цицероновским мастерством обличитель перешел потом к школе, разобрал по косточкам всю систему воспитания. Досталось и комсомольской организации. Зал слушал затаив дыхание. Как великолепно этот юноша разбирается в педагогике! Кому, как не ему, и надо бы осуществить на деле базаровское: «Каждый человек сам себя воспитать должен!»

Мудрая мысль Базарова, призывавшего к той же личной ответственности, забывается. И прежде всего, родителями, продолжающими водить своих чад на помочах порой до свадьбы и дальше. Ход рассуждений здесь прост: «Мы натерпелись в свое время, пусть же наши дети проживут без забот». Однако природа так распорядилась, что человек должен от рождения и до смерти своей в какой-то мере пройти тот же путь, что и его предки. И открыть для себя самостоятельно прописные истины. И наделать ошибок. И исправить их, накопив собственный жизненный опыт. И лучше, чтобы это происходило раньше, а не позже. Природа мудра. Птицы приучают своих детей к самостоятельности просто: заметят, что детеныш окреп, и перестают его кормить. Попищит пернатый недоросль, попищит — и выбирается потихоньку из гнезда. Жестоко? Может быть. Зато птенец вовремя поднимается на крыло. Наверное, и определенной части родителей стоит набраться мужества и в нужный момент

произнести своему дитю вслед за бессмертным стариком Кашириным: «Ну, дорогой, ты не медаль, на шее у меня тебе висеть нечего...» И это не излишняя суровость. Это жизненная закономерность. Ибо по-настоящему человек задумывается о себе, лишь когда почувствует силу собственных крыльев.

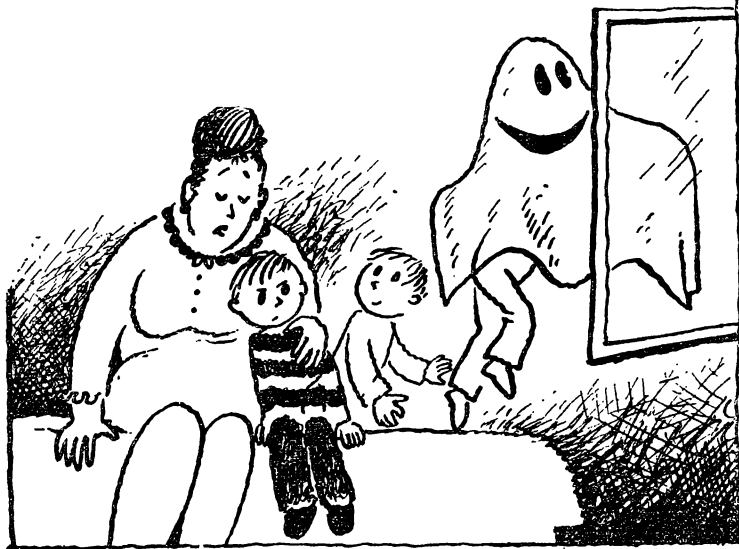
«Пробегаю мысленно в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели родился? А верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных...»

Беспощадному суду совести предает себя лермонтовский герой, хоть и малосимпатичный, но достойный уважения молодой человек. Такие вопросы должен себе задавать каждый — и как можно раньше. И искать на них ответ, быть может, всю жизнь.

Этого не смогли сделать, не сумели дети благополучных родителей, члены криминального «братства» — Глущенко, Вольнов, Маслов, Черепков, Щавель. Ранняя нравственная глухота не дала услышать голос собственной совести, за что каждый получил от жизни жестокий урок. Жаль, поздно.

Николай Волинский

НАШИ НЕЗНАКОМЫЕ... РОДНЫЕ СЫНОВЬЯ

Незнакомые и родные? Уж не оговорился ли автор? Разве эти понятия могут стоять через запятую? Ведь это взаимоисключающие явления. И как могут быть незнакомыми родные дети?! Кто же их знает лучше, чем собственные родители? Лучше матери, которая учила своего любимого малыша ходить и говорить, впервые повела его в школу. И тут вдруг оказывается, что она не знает своего собственного сына. Как это случилось? Об этом и расскажет наша житейская история.

Дайте лекарство, доктор!

— Мам, а меня из пионеров исключили! — завопил прямо из передней, не успев войти в комнату, Митька.

— Второй раз? Да тебя ж месяц назад уже раз приняли, — сквозь шум воды в ванной мать не расслышала сути.

— Сейчас меня не приняли второй раз, а исключили в первый, — пошутил сын.

Матери же было не до шуток. Растревоженная, она вышла из ванной с мокрой рубашкой в руках.

— Как исключили? За что? — растерянно спросила она.

— Да я в потолок плевал, — бесшабашно объяснил сын.

— На уроке ничего не делал? — испугалась мать.

— Делал. Я же объясняю тебе человеческим языком: пле-вал в по-то-лок. Жеваными бумажками через металлическую трубочку. Вот меня и исключили. Пионеры так делать не должны, — спокойно пояснил он.

— А вот я тебе сейчас покажу, как надо себя вести, — свирепея, крикнула мать...

...После дежурной порки, которая гораздо больше расстраивала мать, чем воспитывала сына, они сидели, обнявшись, и оба всхлипывали.

— Ну миленькая, ну сладенькая, я больше никогда не буду. Хочешь, я эту трубочку в ведро выброшу? — обещал сын.

— Так все равно что-нибудь другое выдумаешь, — вздыхала мать.

В том, что ее Митька обязательно что-нибудь выкинет, Галина Сергеевна не сомневалась ни одной минуты. Так было с первого класса. Первого же сентября он умудрился потерять в школе портфель. И Галина Сергеевна долго бродила по опустевшим классам в поисках новенького клетчатого портфеля. Дальше — больше. Варежкам, тапкам, дневникам и авторучкам, оставленным в школе, уже был потерян счет. Дома же он забывал учебники и тетради, физкультурную форму и цветные карандаши. Более того, часто он забывал... дойти до школы. «Задерживался» где-нибудь по дороге: у гаражей, где чинили машину, у мелкого пруда, в котором резво плавали веселые головастики, или... Да мало ли что интересного можно увидеть на улице!

Об этих и других фокусах Галина Сергеевна узнавала через несколько дней из дневника сына: «Прогулял физкультуру!», «Самовольно ушел с географии!». Митька мог запросто прогулять урок. Или просто в разгар занятий встать из-за парты и выйти в коридор. «Куда ты, Митя?» — только и спросит опешившая учительница, а он в ответ молча махнет рукой: туда, мол. И весь сказ. Ну что с ним сделаешь?

Задание на дом он хронически не записывает. Перелистав вечером дневник сына с пустыми графами, Галина Сергеевна бежит к соседскому мальчику-отличнику

узнать про заданные примеры, упражнения и параграфы. Митьку посылать бесполезно. Он или застрянет по пути, заигравшись с дворовой кошкой, или потеряет бумажку с записями. Уроки они делают всегда вместе. Митька — спокойно позевывая, с откровенной скукой на физиономии. Галина Сергеевна — с ученическим азартом, с порозовевшими от возбуждения щеками. Сын упрямится, спорит, дерзит, запутываясь все больше и больше в подлежащих, сказуемых и дробях. Мать сначала терпеливо объясняет, позже срывается на крик, кончается все это порой обоюдными слезами. Они хором всхлипывают, искренне жалея друг друга. Заканчивают поздно — в одиннадцать, а то и в двенадцать часов. А наутро на занятиях вдруг выяснилось, что правила о предложениях забылись начисто, абсолютно вылетела из головы дата Ледового побоища и как не бывало в голове никаких сведений о почве из природоведения... Опять двойка!

В школу Галина Сергеевна ходила каждую неделю: ее вызывали все учителя — за Митькины двойки, прогулы и другие фокусы. Мать внимательно, с тревогой выслушивала все упреки и жалобы, горестно вздыхала. «Педагогически запущенный ребенок», — категорически заявляли учителя хором. Случилось так, что в классе, где учился Митя, преподаватели менялись очень часто, и каждый новый классный руководитель только руками разводил по поводу Митькиных выкрутасов. Однажды очередная классная руководительница зашла к ним домой. Галина Сергеевна готовила ужин, а Митя возился в своей комнате с машинками. Руководительница с нескрываемым любопытством осмотрела чистую и уютную двухкомнатную квартиру, удивленно остановилась перед письменным столом Мити. Это был отлично оборудованный школьный уголок. На стене висели географические карты, таблица умножения, аккуратными столбиками были выписаны словарные слова. На столе лежали счеты, линейки, резинки...

— Как у вас тут все устроено в комнате, в квартире, — поражено начала учительница. — А я-то думала...

— Да, вы думали здесь увидеть гору пустых бутылок и меня в нетрезвом виде, — огорченно продолжила Галина Сергеевна.

— Ну что вы! — смутилась учительница, но Галина Сергеевна поняла, что угадала ее мысли.

— Вы опять сейчас скажете «педагогически запущенный ребенок», — покачала головой Галина Сергеевна.

на. — Но объясните мне, что же я делаю не так, когда его запустила и как быть дальше?

— Понимаете, это все очень индивидуально, — замаялась учительница и заспешила домой.

...На ночь мать с сыном читали «Республику Шкид». Читала вслух Галина Сергеевна. Митька отказался сам читать наотрез. Мать пробовала хитрить: «Митенька, я устала, дальше самое интересное место, почитай, а?» Митька хитро на нее поглядывал в ответ: «Ладно, мамочка, отдыхай, завтра прочтешь».

В субботу Галину Сергеевну снова вызвали в школу. Митя в дневнике переделывал двойки на тройки...

Я познакомила вас с этой житейской историей, рассказанной Галиной Сергеевной Н., матерью Мити. Ему одиннадцать лет, а на него уже повесили ярлык «безнадежный». Это на пятиклассника-то? Неужели в десять лет уже может быть «педагогически запущенный ребенок»? Что же было запущено в воспитании этого маленького человека? Давайте с этими вопросами обратимся к специалистам — педагогам, работникам милиции, медикам.

С чего же начать? Ну хотя бы...

— Галина Сергеевна, а вы показывали Митю психиатру? — поинтересовался я.

— Митю? Психиатру? Но он же нормальный!!! — буквально опешила Галина Сергеевна.

— Вот именно этот вопрос в первую очередь нам и задают родители, — начал беседу профессор Андрей Евгеньевич Личко, доктор медицинских наук, руководитель отделения подростковой психиатрии Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева.

Да, в житейском смысле Митя для мамы самый обычный мальчик. Как все. Дома он понятлив: поможет и по хозяйству, в разговоре сметлив и даже остроумен. Так в чем же дело? А вот в том, что в школе, среди сверстников, он ведет себя совсем не как все. Не подчиняясь никаким правилам и установкам.

Действительно, ведь у Мити все так и получается. Все прилежно слушают учителя, а он может запросто выйти из класса. А если уж и будет сидеть в классе, то выкинет такое, что непременно сорвет урок. И вот уже учитель пишет маме записку: «Если вы не можете унять своего сына, сидите на уроках рядом с ним». Митю уже перестали огорчать плохие оценки — их слишком много, они стали для него правилом. Причем у него отсут-

ствуется чувство тщеславия, он не хочет быть лучше всех, он не хочет быть даже таким, как все. Он стремится уже быть хуже всех, чтобы этим утвердиться.

— Андрей Евгеньевич, а это уже и считается отклонением, с которым надо показать мальчика психиатру?

— Да, именно. Во-первых, и это главное, врач точно определит, не болен ли ребенок. А во-вторых, детский или подростковый психиатр поможет родителям лучше понять психику детей.

Лучше понять своего собственного ребенка? Да, так. Ведь зачастую мать не знает подробностей и тонкостей развития и роста своего родного малыша. А происходит это еще и потому, что она вообще не знает, какими навыками и знаниями должен обладать ребенок в определенном возрасте. А чтобы узнать это, нужен родительский всеобуч — работа с книгой, беседы с учителями, медиками. И желание объективно разобраться во всем.

А часто ли вы как врач встречаете у родителей это желание и стремление?

— К сожалению, нет. И проистекает это оттого, что родители считают своего ребенка самым умным, самым замечательным, исключительным, единственно правым во всем. Ну а педагогов, врачей, работников милиции — людьми, которые, не сумев разобраться в их детище, всячески «придираются» и притесняют его. О каком же взаимопонимании может идти речь? О каком едином подходе всех взрослых к воспитанию ребенка?

— Ну и, кроме того, не секрет, что некоторые родители, подобно Галине Сергеевне, просто пугаются при слове «психиатр».

— Абсолютно верно. И в этом сказывается медицинская безграмотность родителей. Мама боится обследовать ребенка. В чем причина? «А вдруг его поставят на учет?» Не волнуйтесь. Если ваш сын здоров — не поставят. А если болен — будут лечить. Иногда родители, «опасаясь» врача, губят здоровье собственного ребенка. Но чаще всего (и пусть родители успокоятся!) их ребенок оказывается здоров. Психически здоров. Но не нравственно.

— И об этой «болезни» тоже можно поговорить с врачом?

— Можно. Ведь виновником «заболевания» зачастую бывает не только сам ребенок, но и родители, и школьные педагоги, словом, все взрослые, которые окружают, а следовательно, и воспитывают малыша. В чем же их вина? Чаще всего в семье и в школе над так называе-

мым трудным мальчиком, вроде нашего знакомого Мити, установлен неусыпный контроль. Мама, Галина Сергеевна, дома из последних сил усаживает его за учебники. Учителя на уроках удесятеренными усилиями стараются удержать мальчика за партой. Но контроль-то этот — формальный. Формальный потому, что и мама, и учитель исходят из того, что все дети должны делать так. Но не из того — может ли и хочет ли это делать Митя. И если, допустим, прилежно сидеть на уроке он просто не хочет, то случается, что справиться со школьной программой Митя не может.

— Не может или не хочет? А это можно определить?

— Ну, для этого существует медико-педагогическая комиссия, которая помогает учителям, да и родителям разобраться в способностях и возможностях ребенка. Понять, не предъявляем ли мы к нему слишком завышенные требования. Случается, что мальчик просто ленив и упрям, дерзок, — тут нужны твердые воспитательные меры. А бывает, что ребенку просто не по силам учиться в обычной школе...

— И что же тогда? Какой выход можно предложить родителям и учителям?

— Ну, во-первых, наверное, надо отдельно заниматься с мальчиком в классе, после уроков. А дома маме необходимо помогать сыну приготовить домашнее задание. Узнать, понять, в чем же его затруднения, не запускать учебный курс. Очень важно постоянно держать связь с учителями, знать, как сын написал вчера контрольную, как сегодня ответил урок.

— И если все-таки ребенок не может учиться в обычной школе, направить его во вспомогательную? Но...

— Вот именно «но». С этого «но» родители и начинают свои разговоры, а то и открытую борьбу со вспомогательной школой. Да, разумеется, многие родители мечтают о прямом и ясном пути для своих детей — школа с математическим или языковым уклоном, институт, аспирантура. Но, к сожалению, жизнь распоряжается по-своему. И случается, что именно эта школа, я назвал бы ее — с трудовым уклоном, выведет «трудного» сегодня мальчишку. Хорошо бы, чтобы родители побольше узнали о таких школах.

Хорошо бы. Так давайте это и сделаем. Отправимся в одну из вспомогательных школ.

...Солнце сверкало в ярком витраже, на окне разместились веселые картинки.

— Пусть дети радуются, — улыбнулся директор школы Рудольф Александрович Морозов.

И позже, когда мы знакомились с классами, мастерскими, залами, мне не раз вспоминались слова педагога Сухомлинского о школе радости, которой должна стать каждая наша школа.

В этой школе было все как в обычной — ребячий шумный гомон, веселые трели звонков, дневники, оценки. Только... Возможно, здесь больше печальных детских глаз. Ведь эта школа — вспомогательная, и приходят сюда ребята с нелегкой судьбой, уже многое повидав за свою такую еще короткую жизнь.

— Да, к нам порой приходят дети, отчаявшиеся после двоек и упреков учителей, — рассказывает Рудольф Александрович.

Во вспомогательную школу поступают дети с 7 до 9 лет. Специальная медико-педагогическая комиссия, в которую входят учителя школы, логопед, психиатр, внимательно обследует ребенка. Если малыш состоял на учете у психиатра и какие-либо отклонения от нормального уровня развития замечаются уже в детском саду, то его сразу же определяют во вспомогательную школу. Бывает, что ребенок идет в обычную школу, но уже в первом-втором классах явно отстает в учебе от своих сверстников, не справляется с программой. В этом случае комиссия решает, где лучше учиться ребенку. Причем путем опросов, тестирования, бесед определяется, не может школьник осилить программу или он просто не хочет учиться, ленится, а по способностям не уступает своим ровесникам.

Итак, комиссия рекомендует родителям перевести сына или дочку во вспомогательную школу. Что греха таить, для большинства родителей это, конечно, трагедия! Действительно, может ли быть горе сильнее для отца с матерью, чем болезнь ребенка. Встают страшные вопросы: получит ли он образование, овладеет ли профессией, сможет ли в будущем работать?! Сложные проблемы, серьезные вопросы. Как их разрешить? И многие родители почему-то думают, что все они сами собой отпадут, если ребенок останется в обычной школе. Но так ли это? Ученик, привыкший получать одни двойки и редкие тройки, теряет последнюю веру в себя. Та-

кому парнишке и на отрядном сборе стихотворение прочесть не доверят. Да и что в классе ни сломается, разобьется, испачкается — сразу подозрение на него. Вот он и старается утвердить себя по-своему — хулиганит, прогуливает: мол, вот я какой, никого не боюсь, никаких законов для меня нет. И дело заходит все дальше и дальше.

...В характеристике на третьеклассника Сережу С. классная руководительница написала: «нуждается в изоляции от одноклассников», «социально опасен»! Да, Сережа был очень дерзок и изобретателен на проказы и выходки, судя по характеристике, имел на ребят куда больше влияния, чем классная руководительница, поспешившая объявить его «социально опасным» и «нуждающимся в изоляции».

— Это Сережа-то?! — почти хором воскликнули учительница и воспитательница 3-а, где сейчас учится мальчик.

И они повели меня в класс... Ребята сидели, внимательно листая учебники. Шел урок математики. Но в целом класс напоминал выставочную экспозицию: на столиках, в застекленных шкафах и витринах лежали, стояли, висели вышивка и инкрустация из соломки, рисунки и вылепленные из пластилина забавные фигурки...

— Вот это наш Сережа делал, — с гордостью, словно речь шла о собственном сыне, сказала воспитатель группы продленного дня Валентина Александровна Насупкина и показала аккуратно сшитую мальчиком сумочку. А учительница Фаина Михайловна Моисеева разложила перед нами его рисунки. Скажу честно: и то и другое было исполнено очень умело.

Мы с Рудольфом Александровичем и учителями долго ходили по школе. К нам подбегали ребята и спрашивали об уроках и пионерских сборах, об оценках за контрольную.

— Тебе четыре за контрольную, молодец, — хвалила учительница математики Нина Яковлевна Головнева, инспектор спецшкол Главного управления народного образования. И мальчишка расплывался в улыбке.

— Здесь дети научились радоваться своим успехам, обрели веру в себя, — говорит Нина Яковлевна. — Ведь для начала мы хвалим даже за то, что он хорошо стер с доски.

Такие школы есть почти в каждом районе. Кроме того, в нашем городе имеются школа и интернат, где открыты так называемые классы «выравнивания». В них

учатся дети, которые не справляются со школьной программой. Сюда поступают ребяташки прямо с первого класса, или их могут перевести из обычной школы. Тогда во втором классе они освоят и закрепят знания первоклашек. Таким образом ребята проходят курс начальной школы не за три года, а за четыре.

Веру в своих детей обретают здесь и родители. И те из них, кто еще вчера переживал из-за перевода ребенка в эту школу, сегодня благодарны ее педагогам. «Сережа полюбил школу, спасибо вам», — сказала мама. Родители охотно приходят на собрания, старательно выполняют домашние задания классных руководителей. Это родители, уже привыкшие, как и их дети, к упрекам, жалобам и замечаниям, отчаявшиеся услышать о своем ребенке что-либо, кроме «двоечник» и «хулиган». Родители поверили в добрую силу школы. Они поняли, что у их детей есть будущее.

О будущем... Рудольф Александрович перелистывает классные журналы, рассказывает о судьбе выпускников. Подавляющее большинство их, за редким исключением, работают сегодня на ленинградских предприятиях. «Русский дизель» и «Ленинская искра», Лениздат, экспериментальная мебельная фабрика — да сразу и не перечислишь все адреса, где сегодня работают питомцы, успешно овладевшие в школе специальностью столяра. Девочки же получают профессию швеи и идут в объединения «Труд» и «Рассвет», в ателье города. В школьных мастерских можно научиться и картонажному делу. После восьмого класса у ребят есть экзамен и по труду, а девятый класс — специализированный, здесь учащиеся получают рабочий разряд, часто даже третий. И после девятого класса выпускники идут или прямо на завод или учиться в ПТУ. Остаются обычно они работать на тех предприятиях, где проходят практику. Да, ребята легко входят в трудовой коллектив. Вот, например, совсем недавно в школу пришло письмо из типографии имени Ивана Федорова, руководство которой благодарит старшекласников школы за активное участие в субботнике.

В кабинете профориентации школы настоящая выставка искусных изделий, выполненных руками ребят. Здесь полочки, столики, платья и передники, красиво переплетенные альбомы и многое, многое другое. Все вещи ярко говорят об умелых руках и художественном вкусе учеников.

...Да, здесь есть о чем задуматься, а, возможно, и

усомниться. Действительно, как же так, неужели в этой школе все «педагогически запущенные дети», отпетые хулиганы и закоренелые двоечники становятся примерными, трудолюбивыми учениками? Нет, не всегда случаются такие метаморфозы. Но все-таки, как правило, подчеркиваю, как правило, которое не бывает без исключений, ребята находят здесь именно свою школу, обретают себя. Почему так происходит? Ну, во-первых, начнем с того, что занимаются здесь дети по особой программе, иногда специально скорректированной для отдельного Сашеньки и определенной Катюши. Вот тогда-то этим ребятам и находят дело по плечу, дело, с которым они успешно справляются. Немало, разумеется, значит еще и то, что в классах этой школы обучается всего по шестнадцать человек. Так что здесь можно говорить об индивидуальном подходе к каждому ребенку. Подходе и педагогическом, и психологическом, и медицинском.

И еще об одном мне хочется рассказать. Директор школы Морозов не устает повторять на педсоветах: «Относитесь к ребенку по-доброму, и он оплатит вам тройне и отношением, и делом». Доброта, теплое слово, похвала, как воздух, нужны всем детям. «Но в особенности нашим», — говорят учителя 18-й школы. Забота, внимание, материнская ласка в особенности необходимы этим ребятишкам, обделенным и судьбой, а зачастую и собственными родителями. Ведь у многих детей — трудные, неблагополучные семьи, пьющие отцы и матери. Поэтому естественно, что большое внимание уделяется здесь продленному дню.

После занятий ребята идут на обед, и воспитатель старается и это немудреное мероприятие превратить в своеобразный урок этики. Разговор в столовой идет о культуре застолья. И конечно же, о хлебе. О том, как его надо беречь и уважать. Прогулка тоже не просто отдых.

Кстати, в школьной программе есть необычный урок социально-бытовой ориентации. Один из кабинетов оборудован как самая обычная квартира. Есть здесь стол, электроплита, гладильная доска и даже горка белья, баночки и коробки с крупой и мукой... В этом классе школьники учатся варить кашу и стирать белье, ухаживать за одеждой и обувью и умело применять косметику, пользоваться услугами телеграфа и почты. Словом, получают очень важные житейские навыки. Думается, такой урок очень бы пригодился вообще во всех школах без исключения!

Сделаны уроки, и ребяташки занимаются своими любимыми делами. А для того, чтобы заинтересовать детей, увлеченным должен быть сам воспитатель.

— Когда к нам в школу приходит новый педагог, — делится директор Морозов, — я всегда спрашиваю: что вы умеете делать, чем увлекаетесь? Поете, шьете, слесарничаете, играете на пианино? Ведь каждый педагог ведет у нас какой-нибудь кружок.

И добавлю: в различных секциях и кружках — спортивных, самодеятельности, вязания, столярного дела и других — занимаются почти все учащиеся 18-й школы.

— Рудольф Александрович, а вы придете на концерт? — спросил мальчишка в коридоре.

— Непременно, — ответил директор. И повернулся ко мне: — Пойдемте?

— Непременно, — тоже согласилась я.

В нарядно оформленном актовом зале яблоку негде было упасть. Открывался традиционный конкурс чтецов. На сцену выходили мальчишки и девчонки, прерывающимися от волнения голосами читали стихи. Признаться, здесь были и весьма неплохие чтецы, а...

— Таня, конечно, не очень хорошо читает, — пояснял мне тогда кто-нибудь из учителей, членов жюри, — но она так хотела выступить!

Так хотелось выступить тем, кто в волнении и радости выходил на сцену. А тем, кто сидел в зале, было интересно слушать своих товарищей, они очень переживали за одноклассников. Потом все дружно аплодировали победителям. Учителя и ученики. И было видно, что им хорошо вместе в этой доброй школе.

Без вызова не входить!

Вы помните, как ошарашил Галину Сергеевну наш совет показать Митю психиатру? Обратиться к врачу. Теперь уже я и слов не подберу, чтобы вам изобразить, насколько же напугало ее предложение сходить за советом к инспектору по делам несовершеннолетних. Да, оказывается, врачом с большим шприцем или милиционером со свистком легче напугать не детей, а их родителей.

— Действительно, матери и отцы считают, что приходить в инспекцию надо только по вызову, — соглашается Валентина Анатольевна Пиора, инспектор по делам

несовершеннолетних 28-го отделения милиции Куйбышевского района. — Когда поставят на учет.

Вспоминаете? Опять этот пресловутый «учет» — и у врача, и у инспектора. Как огня бояться его родители. Но логика ведь здесь чрезвычайно проста — если положение дел того не требует, подростка не поставят на учет — ни в медицинском, ни в юридическом смысле этого слова. Но совет, помощь и матери, и сыну уже нужны. Больше того, просто-напросто необходимы.

— А случается, что какая-нибудь мама, как наша знакомая Галина Сергеевна, растерявшаяся перед сложным становлением своего сына, приходит сама, без вызова, к вам за советом?

— Нет. Почти все ждут «последнего звонка», хотя давным-давно уже пора было бить тревогу, — вступает в разговор Татьяна Борисовна Довгань, инспектор того же отделения.

И мне рассказали такую историю.

...Витя учится еще только во втором классе, но уже сейчас обуздать его не могут ни мать, ни учителя. Уроки учить не заставить, надолго уходит из дому, болтается неизвестно где. В школе безобразничает. Недавно с каким-то подростком уехал за город, на костре ребята взорвали огнеопасное вещество. Раскаленные брызги плеснули в лицо Вити. Лоб был усыпан мелкими ранками...

Со своими приятелями Витя проходил мимо машины, с которой сгружали сигареты и другой товар. Ребята взяли несколько пачек. Об этом случае было сообщено в школу. На педсовет пришел инспектор. Витю поставили на учет.

— Так что же вы думаете, мама не чувствовала, что с ее сыном неладно? — спрашивает Татьяна Борисовна. — Еще как понимала. Не справлялась с ребенком, все больше запутывалась. А что же сейчас? Мы рекомендовали ей сменить место работы. Она буфетчица, работает по скользящему графику, иногда и в вечернюю смену. А Витя в это время один и предоставлен самому себе. Мать Вити не послушалась разумного совета инспектора.

Готовы ли мы слушать советы по воспитанию своих собственных детей? Хотим ли, умеем ли, стремимся ли принять помощь, получить совет от специалистов — врача, учителя, инспектора? Думаю, что нет.

...Не правда ли, вам часто приходилось слышать расхожее: «Нас растили без советов врачей, педагогов и

юристов, и ничего, как видите, неплохие люди вроде бы получились!» Но мы-то, родители, очень разные, и такие же разные наши дети. Даже один и тот же ребенок сегодня уже не такой, как вчера... Завтра, завтра ему будет одиннадцать, и он начнет уже не только расти, но и взрослеть. А ведь как это сложно — становиться взрослым человеком.

...Галина Сергеевна любила советоваться с Митей обо всем. И потому, что считала его смышленным и повзрослому разумным. Но главное — оттого, что поделиться-то ей было не с кем. Как-то сложилось, что на работе подруг у нее не было. Жила она очень далеко от института, поэтому много времени уходило на дорогу туда-обратно. И некогда, да и сил уже не было, чтобы ехать к старым школьным подругам изливать душу. Так и получилось, что единственным доверенным лицом матери был Митька. Ему Галина Сергеевна и поверяла все тайны. Впрочем, что уж за тайны! Ведь у них — сына с матерью — все было на виду, нараспашку. Особенно нараспашку был мамин знакомый Владимир Петрович. Стоп. Напрасно вы готовитесь к банальной истории, в которой легкомысленная мать всеми правдами и неправдами старается устроить свою личную жизнь, напроць забыв о сыне. Отнюдь нет, Галина Сергеевна была культурным человеком. А культура человека определяется отнюдь не дипломом о высшем образовании (а Галина Сергеевна имела и его), но культурой чувств. Так что в отношениях со своим знакомым она была именно культурна. Владимир Петрович с уважением (что очень важно!) относился к Галине Сергеевне и с большой симпатией — к Мите. Но счастья, новой семьи у Галины Сергеевны с Владимиром Петровичем не складывалось. В чем там дело, кто его знает. «Просто встретились два одиночества». Так ведь в жизни бывает, мы-то знаем, но Митька этого знать не мог и не хотел. Мальчик ясно понимал только, что в жизни у матери не ладилось. И этими своими невзгодами Галина Сергеевна делилась с сыном. И в конце концов так уж вышло: у матери не получалось в личной жизни, а у сына не ладилось в школьной жизни. Вот поэтому-то Митька и считал, что они с матерью равны — у каждого свои заботы и неурядицы.

— Да, этот случай типичен, — подтверждает Валентина Анатольевна, — случай, когда детей раньше времени стараются сделать взрослыми. Мать советуется с десятилетним сыном, выходить ли ей замуж за знакомого,

рассказывает о неурядицах на работе, тем самым взваливая непосильный груз на плечи малыша.

Это обратная сторона того педагогического перегиба, когда из ребенка делают «куклу», им забавляются, за даривают, балуют, ничего не дают самому решать и делать.

— И очень непросто найти золотую середину, — задумчиво говорит Валентина Анатольевна, — чтобы ребенок чувствовал себя самостоятельным и ответственным в школе, а не в жизни взрослых. Думается, что Галине Сергеевне не надо делиться с сыном своими глубоко личными делами. А вот поговорить с ним о том, какая у нее серьезная и ответственная работа и как важно, чтобы Митины проступки не отвлекали ее от дела, просто необходимо. Стоит сводить сына на работу. А может быть, и домой пригласить коллег, пусть поговорят с мальчиком о его делах. Понимаете, мальчик должен почувствовать, что для него учеба — такое же важное и серьезное дело, как для взрослых — работа.

Да, инспектор за помощью обращается в институт или на завод, где работают родители трудного подростка. Иногда это просто письмо с сообщением, что подросток поставлен на учет в милиции. Но чаще всего это просьба именно помочь матери или отцу в воспитании ребенка. Речь может идти, скажем, о переводе матери на односменную работу или на неполный рабочий день. Или об освобождении от длительных и частых командировок.

— Иногда мы просим администрацию цеха или отдела подыскать для семьи шефа, — рассказывает Татьяна Борисовна. — Так что не «запугиваем», как представляют некоторые родители, а стараемся помочь в сложившейся ситуации.

Да, а ситуации бывают настолько сложные и запущенные, что разговор уже идет не об изменении, скажем, производственного графика, а о смене места работы вообще. Это, если, скажем, за мальчишкой нужен строжайший контроль, если он сам не способен даже вовремя на урок прийти без опоздания. Возможно, маме стоит перейти работать в школу, пусть даже уборщицей. Потому что упустить, запустить, потерять сына гораздо страшнее, чем на некоторое время сменить специальность.

— Это речь идет о семи-десятилетних ребятишках. Потому что сопровождать за руку в школу четырнадцатилетнего парня, думается, уже поздно...

— Да, четырнадцатилетнего уже поздновато, — соглашается Татьяна Борисовна. — Хотя и это не бесспорно. Могу рассказать об одной маме, у которой уже великовозрастный сын стал пить и прогуливать работу. Так, послушав нашего совета, эта женщина оставила свое предприятие, где она имела приличный заработок и проработала всю жизнь, и перешла на другой завод, в цех к своему сыну. И знаете, он перестал прогуливать. Нет, я не скажу, что все сразу встало на свои места, но сдвиг заметен. Вот если бы раньше...

Разумеется, поздновато начать воспитывать, а вернее, перевоспитывать четырнадцатилетнего человека. Именно не подростка, а человека. Поздновато, когда он уже давно состоит на учете в милиции, совершил несколько правонарушений. Поздновато, но не поздно. Нас сейчас волнует другой вопрос: когда же можно прийти за советом и помощью к инспектору? И не скажете ли вы какой-нибудь встревоженной маме: «Рановато пришли. Без вызова не приходите!»?

— Никогда. Пусть приходят любые мама или папа, которые встали в тупик в воспитании своего ребенка, — объясняет Валентина Анатольевна.

...Галина Сергеевна с тревогой рассказала, что ее Митя выкинул новую «штучку». С приятелем они залезли на чердак, вышли на крышу, сломали дверную задвижку, разбросали белье, сушившееся на чердаке, а потом спустились по пожарной лестнице на землю. Эту картину увидели жильцы дома и повели мальчишек в школу. Галину Сергеевну вызвали на педсовет. Дома она снова отчитала и отшлепала Митю, а он разревелся и сказал: «Но мы же, мама, в Карлсона играли!..»

* * *

Мы не ставим точки в наших размышлениях, мы ставим многоточие. Нашей задачей не было решить все проблемы, вставшие перед Галиной Сергеевной и другими родителями, чьи десятилетние дети в школе уже считаются педагогически запущенными. Да их и невозможно решить сразу, оптом, для всех никогда не будет единого решения, как в школьном задачнике. Нам просто хотелось поразмышлять вместе с вами над самыми сложными жизненными вопросами — становлением человеческой личности,

Татьяна Зазорина

На вопросы читателей отвечает доктор юридических наук профессор И. Е. Быховский.

Жизнь показывает, что, к сожалению, подросток знакомится с первой рюмкой спиртного в семье. Несут ли ответственность родители за приобщение своих несовершеннолетних детей к спиртному?

Употребление подростками спиртных напитков весьма пагубно отражается на их здоровье, а иногда приводит к тяжелым отравлениям и даже к смерти. Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, профессор В. А. Таболин подчеркивает, что для того, чтобы отравиться, 10—12-летнему ребенку нужно совсем немного — стопка водки, сто граммов вина. Хронический алкоголизм у детей развивается в гораздо более короткий срок, чем у взрослых. Поэтому даже единственная бутылка сухого вина на столе у подростков в день рождения — недопустима.

Советские законы стоят на страже здоровья подрастающего поколения и предусматривают административную и уголовную ответственность взрослых, в том числе и родителей, за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения. За это правонарушение виновные подвергаются административному взысканию в виде штрафа в размере от 50 до 100 рублей. Эта мера установлена ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». Ранее действовавшая ст. 163 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривала значительно меньшую ответственность — штраф в размере до 30 рублей.

Нужно подчеркнуть, что если в результате опьянения наступит смерть либо иные тяжелые последствия для здоровья несовершеннолетнего, виновные в этом должны

нести уголовную ответственность в соответствии со статьями Уголовного кодекса РСФСР.

До последнего времени кое-где на предприятиях, заводах и фабриках существовала вредная традиция организовывать коллективные пьянки по случаю получения несовершеннолетним первой полочки. Иногда инициаторами или организаторами «обмывания полочки» были бригадиры, мастера, взрослые рабочие. Какая ответственность установлена по действующему законодательству для этих лиц?

Согласно ст. 8 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний, влечет уголовную ответственность и наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на этот же срок, или штрафом от 200 до 300 рублей. Ранее действовавшая ст. 210¹ УК РСФСР предусматривала за это преступление меньшее наказание — лишение свободы до одного года, исправительные работы на тот же срок или штраф до 100 рублей.

Несовершеннолетним является лицо, которому к моменту доведения до состояния опьянения не исполнилось 18 лет. Отвечать за это преступление будут не только должностные лица, но и любые работники, в служебной зависимости от которых находился несовершеннолетний (например, наставник несовершеннолетнего).

Важная роль в борьбе с «питейными традициями» на производстве отводится трудовым коллективам, которые наделены большими правами и возможностями.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» установлена весьма серьезная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство. За это преступление виновные могут быть наказаны лишением свободы на срок до пяти лет. Что понимается под «вовлечением несовершеннолетнего в пьянство»?

Речь идет о таких умышленных действиях взрослого, которые направлены на приобщение несовершеннолет-

него к употреблению спиртных напитков. При этом не имеет значения, наступили ли в результате для несовершеннолетнего какие-либо последствия (например, хроническая болезнь, несчастный случай и т. д.) и совершил ли сам несовершеннолетний, вовлеченный в пьянство взрослым, под влиянием алкоголя какие-либо преступления или проступки.

Мой пятнадцатилетний сын был задержан дружинниками в три часа дня на улице и доставлен в инспекцию по делам несовершеннолетних. Узнав об этом, я отправился к инспектору. Она сказала мне, что сын был задержан за то, что находился на улице в пьяном виде. При этом она заявила, что никаких недостойных действий сын не совершал, ни к кому не приставал и шел спокойно домой. В беседе со мной сын признался, что вместе с приятелями действительно участвовал в распитии спиртных напитков. К моему удивлению, районная комиссия по делам несовершеннолетних оштрафовала меня на 40 рублей. Законны ли действия комиссии?

Да, законны. Согласно ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» появление в общественных местах в пьяном виде подростков в возрасте до шестнадцати лет влечет для родителей или лиц, их заменяющих, административное взыскание в виде штрафа от 30 до 50 рублей.

Такая же ответственность для родителей или лиц, их заменяющих, установлена за распитие спиртных напитков в общественных местах подростками в возрасте до 16 лет.

Необходимо подчеркнуть, что такое административное взыскание налагается только за сам факт появления в общественных местах подростка в возрасте до 16 лет в пьяном виде или за распитие им спиртных напитков.

До принятия Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» размер штрафа, налагаемого на родителей или лиц, их заменяющих, за появление подростков в возрасте до 16 лет на улицах или в других общественных местах в пьяном виде был значительно меньшим — от 3 до 10 рублей.

Как известно, в настоящее время запрещена продажа спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года. Каким образом продавец винно-водочного отдела может узнать — достиг ли покупатель вина или водки возраста 21 года?

В необходимых случаях продавец может потребовать предъявления паспорта или другого документа, содержащего данные о возрасте покупателя.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Д. Васильев. Общее дело . . . . .</i>	3
<i>Валерий Волков. СВИДЕТЕЛИ . . . . .</i>	5
<i>Николай Волынский. СУД СОВЕСТИ . . . . .</i>	25
<i>Татьяна Зазорина. НАШИ НЕЗНАКОМЫЕ... РОДНЫЕ СЫ-</i> <i>НОВЬЯ . . . . .</i>	44
<i>Юридическая консультация . . . . .</i>	59

Пока не поздно.../[Сост. В. А. Беляков, ПИИ М. Е. Скрыбин].—Л.: Лениздат, 1986.—63 с., ил.—(Б-чка «На страже закона»).

Материалы брошюры повествуют о причинах и условиях, в которых морально неустойчивые, так называемые трудные, подростки нередко бездумно нарушают закон, о путях предупреждения преступности несовершеннолетних, их правовом воспитании и гражданском становлении.

Рассчитана на массового читателя.

П $\frac{4306000000-146}{M171(03)-86}$ 37—86

67.99(2)116.1

ПОКА НЕ ПОЗДНО...

Составители:

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрыбин*

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев*
Редактор *И. Г. Турундаевская*
Художник *А. В. Сергеев*
Художественный редактор *И. З. Семенцов*
Технический редактор *М. А. Хомич*
Корректор *Н. Н. Фоменко*

ИБ № 3479

Сдано в набор 28.01.86. Подписано к печати 22.04.86. М-27865. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отг. 3,78. Уч.-изд. л. 3,41. Тираж 100 000 экз. Заказ № 337. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

ПОКА НЕ ПОЗДНО ...

А. Д. ВАСИЛЬЕВ

ОБЩЕЕ ДЕЛО

ВАЛЕРИЙ ВОЛКОВ

СВИДЕТЕЛИ

НИКОЛАЙ ВОЛЫНСКИЙ

СУД СОВЕСТИ

ТАТЬЯНА ЗАБОРИНА

НАШИ НЕЗНАКОМЫЕ... РОДНЫЕ СЫНОВЬЯ

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

ЛЕНИЗДАТ 1986

20 кб